

Дмитрий Ластов

ОКНА ВЫХОДЯТ НА ТЕАТР

Жить, любить, надеяться и ждать...

Действующие лица:

ЙОСЯ, сухощавый мужчина за восемьдесят лет.

ЛЮСЯ, жена Йоси, женщина около восьмидесяти лет.

АНДРЮША, случайный прохожий, артист театра, молодой человек около тридцати лет.

КАТЯ, знакомая Йоси и Люси, женщина чуть за пятьдесят лет.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

(в. 20)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Кухня, большое окно, плита, кухонная утварь, небольшой письменный стол, заваленный бумагами на котором стоит старый большой монитор и радиоприемник, передающий постоянно новости то громко, то еле слышно, на стене висит портрет молодой красивой девушки.

КАТЯ. Окна выходят на театр. Улица идёт далеко прямо, а слева от улицы, за театром, лес. *(Говорит задумчиво и про себя).*

ЙОСЯ. Что?

КАТЯ. Окна у вас выходят на театр. Я люблю тут у вас стоять и смотреть туда.

ЙОСЯ. Да, да... Я бывает тоже...

КАТЯ. Наверное, спектакль закончился. Люди выходят из театра.

ЙОСЯ. Это детский. В двенадцать начинаются – к двум заканчиваются.

КАТЯ. Всегда мечтала жить где-то высоко, чтобы было всё видно. Как у вас здесь.

ЙОСЯ. Девятый этаж.

КАТЯ. С которого всё видно – лес, улица, театр.

ЙОСЯ. А Вы живёте на третьем?

КАТЯ. И мне видны только листья деревьев и задний двор магазина. Понимаете!?

ЙОСЯ. В этом тоже есть свои плюсы.

КАТЯ. Какие, Иосиф Абрамович?

ЙОСЯ. Если сломается лифт, то можно без труда спуститься на первый этаж.

КАТЯ. Я о другом. Вот живешь так, как я, и смотришь на задний двор магазина, и жизнь так же проходит, как на заднем дворе. А у вас по-другому... высоко, ясно, видно.

ЙОСЯ. Вы какая-то грустная сегодня, Катя!?

КАТЯ. Я? Видно?

ЙОСЯ. Философствуете...

КАТЯ. Да так... Я развожусь, Йосиф Абрамович.

ЙОСЯ. Как?! Как так!? Почему?

КАТЯ. Всё как-то не так. Не знаю, понимаете, не могу я больше так.

ЙОСЯ. Вы же, как я вас знаю, с Игорем вместе, с института ещё. Что же случилось?

КАТЯ. Когда Маша была маленькая, я всё думала, как Маша будет без отца. А сейчас она выросла, вышла замуж.

ЙОСЯ. Не понимаю, а Маша причём?

КАТЯ. Йосиф Абрамович, а не причём! Вот и я говорю, что не причём. Я выдумала себе, что надо терпеть, жить с ним ради дочки, что нельзя её травмировать, что я не имею права...

ЙОСЯ. Так что с вашим Игорем? Он на вас поднял руку?

КАТЯ. Нет.

ЙОСЯ. А что же? Изменял?

КАТЯ. Я его не люблю. Просто не люблю.

ЙОСЯ. Как так?

КАТЯ. Вот так.

ЙОСЯ. Не понимаю. Катя, не понимаю.

КАТЯ. И не поймёте. Вы всю жизнь прожили в любви – вам не понять, как можно жить без неё.

ЙОСЯ. А зачем же вы женились?

КАТЯ. Йосиф Абрамович, я замуж вышла.

ЙОСЯ. Ну, замуж!

КАТЯ. Думала, что любила. А может, придумала.

ЙОСЯ. Не понимаю. Катя, может не надо. Игорь же хороший.

КАТЯ. Хороший, но чужой. Я как представляю, что остаток своих лет я проживу вот так, когда меня будет всё в нём раздражать, бесить... Лучше одной.

ЙОСЯ. Он от вас уедет?

КАТЯ. Да, к свекрови.

ЙОСЯ. Вы останетесь одна.

КАТЯ. Одна, на заднем дворе своей жизни. Да что я говорю, понимаете, Йосиф Абрамович, у нас с ним разные ценности, разная жизнь.

ЙОСЯ. Как так? Что разное?

КАТЯ. Для меня что-то там вещественное, ну, не главное. Я к вам приехала, сготовила, убралась и как-то хорошо мне. На Танюшку тут посмотрела, привет ей передала - и хорошо. Побежала к детишкам в интернат, всех по голове погладила, обняла - и рада я, что что-то делаю. Подружка, ну знаете её, вместе с нами на курсе училась - Женька.

ЙОСЯ. Да, да, Селезнёва.

КАТЯ. Она сейчас не Селезнёва.

ЙОСЯ. А, ну да, Женилась.

КАТЯ. Замуж, замуж вышла и давно уже Ефремова.

ЙОСЯ. И что она? У неё же трое детей, как я помню.

КАТЯ. Она матерям помогает с больными детишками, старикам помогает, меня привлекла. Вот от вас побегу к ней, потом к одному бизнесмену поедем денег просить. Вот в этом жизнь. А Игорь, он смотрит на меня как на умалишённую, и не понять ему, что мне так легче. А ещё, знаете, тут Машка, дочка, где-то увидела объявление... Понимаете, приют, кошкам и собакам помогают.

ЙОСЯ. Вы же, Катя, не ветеринар, а по людям.

КАТЯ. А знаете. А я посмотрела, что на самом деле не так уж много и отличий. Они такие же, как и мы...

ЙОСЯ. Думаете!?

ЛЮСЯ. Там есть такая ласковая собачка, Люси её зовут.

ЙОСЯ. И что?

КАТЯ. Я всё думаю её забрать оттуда. Да каждый раз останавливаюсь. Я же в разъездах. А она будет тосковать одна.

ЙОСЯ. Да, Катя. Я тут думал завести кого-то. Но это же эгоизм.

КАТЯ. Почему эгоизм?!

ЙОСЯ. Мы уже очень старые. Заведёшь, будешь радоваться этому существу... А вот мы с Люсей уйдём, а куда эта кошечка или собачка – кому она будет нужна без нас? Эгоизм.

КАТЯ. Что-то давно Людмилы Ивановны нет. Мы уже и чай попили. Когда она ушла?

ЙОСЯ. Часа полтора.

КАТЯ. Почему она не дождалась меня!? Я бы её проводила.

ЙОСЯ. Катя, ну как вы её удержите.

КАТЯ. Ну да.

ЙОСЯ. Дома ей лучше. Дом есть дом.

КАТЯ. Без больницы тоже нельзя. Там хотя бы давление стабилизировали, капельницы сделали. Надо. Никуда без этого. Правда, уже второй раз за эти месяцы.

ЙОСЯ. Понимаю, Катя. Но когда она в больнице – столько забот всем. Я с трудом добираюсь до больницы. А в этот раз положили в Сокольники. Туда на такси час ехать. И обратно.

КАТЯ. Ну, зачем вам каждый раз было туда ездить!? Я бы сама справилась.

ЙОСЯ. Катя. Я муж! Я должен! Каждый день! Вы и так нам помогаете, вся измучились - готовка, лекарства, стирка. Да и Сокольники... ладно. Уже снег сошёл. Весна. Конец марта. А в январе, на Бабушкинской, помните, Люся, там, в двадцатой лежала. Я из машины выхожу, вокруг лёд, а водитель уехал. Я думаю, куда ступить. Направо – лёд,

налево – лёд, до больницы несколько сот метров. Я, знаете, даже не за себя боялся, я-то что? А Люся как? Каждый шаг, как борьба, как со смертью борьба. Ступаешь с костылями и не знаешь... Благо, ребята подхватили.

КАТЯ. Ну, зачем было так рисковать? Я не знаю, мне ничего не говорите никогда. Ну а если бы упали!? Ну, представьте, Людмиле Ивановне было бы плохо, а мне из одной больницы в другую...

ЙОСЯ. Зря я тебе сказал. Вам сказал зря...

КАТЯ. Не зря, Йосиф Абрамович. Надо быть аккуратным, понимаете?

ЙОСЯ. Ладно, понял.

КАТЯ. Да и что вы говорите!? Ну, вы мне как родные. Куда я без вас. Меня бабушка же воспитывала, а родителей и не помню.

ЙОСЯ. А я тут на днях как раз вспоминал твоих маму с папой - Толю с Ниной. Вот смотри (*Йосиф Абрамович раскрывает альбом и показывает Кате фотографии*). Люся альбом достала. Там вот их фото. Вот они, вот ты, видишь? Это вот в шестьдесят седьмом сделано. Мы тогда вместе в Сочи отдыхали. Я, Люся, Толя, Нина, ты и мои девочки - Оля и Таня. Ты помнишь!?

КАТЯ. Нет. Я была маленькая.

ЙОСЯ. Ну да, а я помню.

КАТЯ. Я и родителей совсем не помню. Рано они погибли. Я и не переживала как-то. Бабушка плакала. Часто. А я как-то привыкла.

ЙОСЯ. Катя, знаете, а я вот с возрастом стал за всех переживать. Вот всё думаю о тех, кто жил, и кого нет... Ладно... Ладно... Вот, знаете, после больницы Люся какая-то грустная, молчит часто. Я и обрадовался, что хоть вышла она. Пусть прическа. Может, она мечтала о ней в больнице. За четыре дня первый раз вышла на улицу.

КАТЯ. Вы ей поменьше про больницу говорите. Больше чего-то позитивного. Ей надо во что-то верить, что-то хотеть. Не знаю... ждать.

ЙОСЯ. Мне кажется, она меня и не слушает. Я тут шутил, как мог, а она с каменным лицом.

КАТЯ. Всё равно, отойдёт от больницы, от своих мыслей. Всё равно, надо что-то не замечать, а говорить о хорошем. И так, знаете, ненароком...

ЙОСЯ. Я постараюсь. Спасибо, вам, Катя.

КАТЯ. Йосиф Абрамович, ну почему вы меня всё на «вы» зовёте. Вы же мне как отец.

ЙОСЯ. Вы доктор, Катя. Докторов надо звать на «вы». Так положено. Так нужно. Что за детскости какие-то! Вы – доктор, и всё. Я не понимаю.

КАТЯ. Ладно.

ЙОСЯ. Вот мне помощь нужна ваша. В субботу, через неделю, у Люси же день рождения.

КАТЯ. Да, надо же! Уже и седьмое апреля. Пошла в парикмахерскую. Подкраситься. Понимаю.

ЙОСЯ. Я не понимаю женщин. Я говорю ей, что ты и так красивая. Нет, она пошла.

КАТЯ. Что вы читаете?

ЙОСЯ. Это кандидатские. Надо успеть.

КАТЯ. Столько закладок?!

ЙОСЯ. Да, пишу на полях.

КАТЯ. Я всё хотела спросить, вот вы академик, а живёте всё здесь - на окраине, у леса. Когда мы с Таней впервые приехали сюда к вам, когда вы только сюда переехали, мне казалась всё таким большим. А сейчас... Я всегда думала, что академики живут богаче.

ЙОСЯ. Нам здесь нравится. Нам как-то предлагали перебраться на Проспект Мира, уже потом. Но там так шумно. А здесь – лес, тихая улица и наш театр. Только вот, уже трудно мне передвигаться.

КАТЯ. А сколько будет Людмиле Ивановне.

ЙОСЯ. А я не считаю. Не знаю.

КАТЯ. Как!?

ЙОСЯ. А зачем?

КАТЯ. Не знаю.

ЙОСЯ. Вот я и свои годы не знаю.

КАТЯ. Лукавите.

ЙОСЯ. Катя, правда. Зачем? Это одно расстройство.

КАТЯ. Ладно.

ЙОСЯ. Подождите, вот, я Люсю встретил, я аспирантуру закончил и год уже работал в Ухте. Значит, мне было... Сколько мне было? Двадцать семь. А ей. Она младше. Ей двадцать один.

КАТЯ. А сейчас?

ЙОСЯ. А сейчас мне тридцать семь, а ей тридцать один.

КАТЯ. Не верю.

ЙОСЯ. Я геолог, а вы хотите сделать из меня счетовода. Считайте сами.

КАТЯ. Как?

ЙОСЯ. Ну, смотрите. Через год родилась Ольга. Ей сейчас было шестьдесят.

КАТЯ. Неужели шестьдесят!? Я её помню...

ЙОСЯ. Ну, вот считайте, Катя. Прибавьте мои двадцать семь к её шестидесяти и получится.

КАТЯ. Восемьдесят семь! Вроде недавно...

ЙОСЯ. Ну, это не совсем правильная формула, так как через три месяца её уже не применишь.

КАТЯ. Будет ваш день рождения?

ЙОСЯ. Да.

КАТЯ. А Людмиле Ивановне, значит, восемьдесят один.

ЙОСЯ. Да, и будет...

КАТЯ. Восемьдесят два.

ЙОСЯ. Справились.

КАТЯ. А Ольга к вам не собирается?

ЙОСЯ. Она!? Нет. Она зовёт нас в свою Америку, но куда же мы к ней поедим!? Только если в гробах.

КАТЯ. Иосиф Абрамович!

ЙОСЯ. Катя, ну вы же доктор, ну как вы себе представляете - я со своими вам известными болячками и Люся с ещё большим их количеством... Ну, как мы преодолеем этот мировой океан, чтобы добраться до этой счастливой земли, где обитает наша Оля?

КАТЯ. Значит, она к вам не собирается?!

ЙОСЯ. Ой...

КАТЯ. А внучки, правнуки?

ЙОСЯ. Ой, это большая тема. Хорошо, что ещё Люся не здесь. При ней об этом не говорите. Мы так от них далеки! Катя, ещё, когда мы жили в Ухте, Ольга женилась и уехала в Ригу, а в конце восьмидесятых - в Израиль и в США. У них совсем другая жизнь, и мы не вкладываемся в неё. Это уже ясно. Мы здесь - они там. Звонок раз в неделю - живы мы или нет. Раз в неделю! А иногда раз в две недели.

КАТЯ. Вы суровы.

ЙОСЯ. Я всегда был реалистом. Я - геолог. У нас всё точно. В основном, всё точно. Меня учили полагаться на себя и свои силы; учили быть реалистом. И я, в отличие от Люси, не питаю иллюзий. Я вам же говорил, что Люся надеется съездить в эту Америку. А я думаю, как!? Когда ей выйти на улицу уже трудно. Но я Люсе ничего не говорю. Говорю, что соберём документы, оформим всё и поедим.

КАТЯ. Правильно. Я пойду, схожу, посмотрю, что с ней, в какую парикмахерскую она пошла?!

ЙОСЯ. А я помню - в ближайшую. Вы меня расстроили.

КАТЯ. Разводом?

ЙОСЯ. Да. Я всегда думал, что вы счастливы.

КАТЯ. Люди всегда так думают. Я вам ничего не говорила.

ЙОСЯ. Может, вы передумаете?

КАТЯ. Думаю, что нет.

ЙОСЯ. А как вы одни будете?

КАТЯ. Можно быть одним и жить вместе.

ЙОСЯ. Наверное.

КАТЯ. А потом, я же вам говорила. Когда ты весь день в заботах, то и думать некогда: одинок ты или нет. Ты занят, нужен и всё. Вот, вы же столько лет вместе с Людмилой Ивановной.

ЙОСЯ. Да.

КАТЯ. И как?

ЙОСЯ. Как? Не знаю. Я просто другого не представляю.

КАТЯ. Вот.

ЙОСЯ. Она знает всё про меня. Катя, я бы поверил в этого самого бога, если бы знал бы, что когда я умру, то обязательно увижу её там, потом... А ещё я думаю: а если бы тогда меня не распределили в Ухту, а распределили бы на какую-нибудь Колыму. А если бы мы никогда не встретились... Я бы прожил жизнь впустую.

КАТЯ. Вы бы прожили её так, как я.

ЙОСЯ. Что?

КАТЯ. Глядя на задний двор магазина...

ЙОСЯ. Я был такой молодой, нескладный, стеснительный. Все там надо мной смеялись. А больше всего – она. Я её просто ненавидел. Как её я только не обзывал про себя. Представьте, я - городской парень, увлекаюсь поэзией, техникой, театром, а тут... А потом, у ручья, она окрикнула меня. Говорит: Йося, иди сюда, помоги. И облила.

КАТЯ. Чем?

ЙОСЯ. Водой, холодной. Я стою, смотрю на неё и не понимаю что делать: то ли ударить, то ли заплакать, то ли убежать. Я хотел заплакать. Мне стало так обидно. А она мне говорит: ты такой смешной, Йося. И поцеловала.

КАТЯ. Трогательно.

ЙОСЯ. А я помню всё как сейчас. У меня была такая большая копна волос. Чисто еврейская внешность. Я даже не знаю, чем я ей приглянулся. Как-то вечером я сидел у костра, все уже разошлись по палаткам. Я сидел и поджаривал хлеб над костром. И вдруг мне кто-то закрыл глаза. Я ничего не понял и услышал: я люблю тебя, Йося. Это была она. Её руки исчезли, я оглянулся и только увидел её силуэт. Я люблю тебя, Йося...

КАТЯ. Вы счастливый.

ЙОСЯ. То время было счастливое. А так всякое было. Вот, Танечка... Вы учились на одном курсе с ней. А вот так вот получилось.

КАТЯ. Я помню её совсем молодой.

ЙОСЯ. Ей было так мало лет. Только институт закончила.

КАТЯ. Да... Я помню.

ЙОСЯ. Люся не оправилась до сих пор. Вот тут она открыла тогда окно и смотрела на этот театр, лес, улицу... И поставила стул и встала на него, готовая прыгнуть.

КАТЯ. Вы не рассказывали...

ЙОСЯ. Это страшно, Катя. Она стояла на этом трухлявом стуле. А внизу... И готова была прыгнуть. Я ходил в аптеку. Открываю дверь в квартиру и вижу, что она стоит на стуле. У меня перехватило дыхание. Мы так стояли, не знаю сколько минут. Я в дверях, а она у окна на стуле. Она смотрела на меня, а я на нее. А потом она спустилась, подошла ко мне, взяла сумку, обняла и сказала эти самые слова: «я люблю тебя, Йося». А потом добавила: «Не оставляй меня никогда».

КАТЯ. А так и не нашли, кто сбил Таню?

ЙОСЯ. Я писал, ходил, ездил. Мне сказали, он уехал куда-то. А я всё равно искал, пока Люся не сказала мне, чтобы я перестал, что хватит, что никому это не нужно. А я всё равно его найду. Он ответит, он должен ответить! Они официально написали, что это она сама, пьяная, прыгнула под машину. Она не пила! Не пила! Она – врач, доктор! И вот так писать! Как жить!? Как жить!?

КАТЯ. Я там вам фруктов купила. Вы про них не забудьте, ешьте. Хорошо? А то в прошлый раз пришлось выбросить.

ЙОСЯ. Катя, а я, когда засыпаю, когда ложусь, про себя всегда говорю Тане спокойной ночи, а утром, когда я прихожу на кухню, здороваюсь с ней. Она была такая светлая! Я часто сижу тут, смотрю на неё и думаю... нет, придумываю её жизнь, которой не было, куда она ездила, что видела, чем занималась бы.

КАТЯ. А я как-то сон видела, и она в нём как живая была. Я даже проснулась и подумала, а умерла ли она на самом деле?

ЙОСЯ. Вот... вот... Знаете, Катя, как Танечка погибла, так нам звонили часто и много. Её подруги, однокурсницы. И каждой приходилось рассказывать одно и то же. Это было невыносимо. В основном, Люся давала мне трубку, и я отвечал на вопросы, рассказывал в который раз, как это произошло. А как-то слышу, что Люся с кем-то говорит по телефону, и говорит про Танечку. Прислушался, а она говорит кому-то, что Танечка уехала в экспедицию, будет не скоро.

КАТЯ. Вы раньше не говорили, у неё что...

ЙОСЯ. Я тоже подумал, что что-то не так с ней. Спрашиваю испуганно ее: в какую экспедицию, Люся, ты что?! А она, знаете, мне так и говорит: Йося, знаешь, вот скажу я этой девочке, что Танечки больше нет, и что? Расстрою её. А скажу, что она уехала, и эта подружка, быть может, еще долго-долго будет думать, что Танечка среди нас. А это же хорошо, понимаешь. Так и сказала. А я потом долго думал, думал и надумал, что ведь и правда, пока ты не знаешь, что человека не стало, он для тебя живой – пусть ты его и не видел годами – живой. Может, и права она была...

КАТЯ. Может, и так. Там в шкаф я положила лекарства. Я через час ещё позвоню. Если Людмила Ивановна не придёт, я приеду. Ладно, ещё я там вам суп принесла. В холодильнике. И вещи постирала – на кресло положила.

ЙОСЯ. А может, мне тебе найти какого неженатого учёного. А то ты всё с нами возишься.

КАТЯ. Иосиф Абрамович, не найдёте.

ЙОСЯ. Почему?

КАТЯ. Вспомните Людмилу Ивановну - это случайность, совпадение.

ЙОСЯ. Э... постой, я геолог, вот я её и нашёл, Люсю. И тебе найду хорошей породы человека.

КАТЯ. Шутник вы.

ЙОСЯ. Ты, Катя... хорошая ты, Катя. Не знаю, как бы мы без тебя...

КАТЯ. Да ладно вам.

ЙОСЯ. Ты врач по призванию. Это хорошо. Это главное! Главное – когда своим делом занимаешься.

КАТЯ. Может быть...

ЙОСЯ. А остальное сладится, обязательно...

КАТЯ. Как это просто любить.

ЙОСЯ. Что?

КАТЯ. Я говорю, что как это просто - всю жизнь любить одного человека, жить с ним всю жизнь, делить с ним всё - радость и беду.

ЙОСЯ. Да, возможно.

КАТЯ. И как это сложно — всю жизнь любить одного человека. Всю жизнь одного... несмотря ни на что, несмотря ни на что...

Молчание.

КАТЯ. Я пойду. А вам это радио не надоело? Бубнят что-то, эти новости, страсти... Лучше в тишине. Я люблю тишину.

ЙОСЯ. Я раньше тоже её любил – тишину. А сейчас боюсь этой тишины. Так, что-то там говорят, шум какой-то, голоса, люди, какая-то жизнь. Я и не слушаю, так, мельком...

КАТЯ. Раз так...

Катя собирается выйти.

ЙОСЯ. Стой, Подожди. Я же про Люсю забыл. У неё же день рождения. Помоги мне.

КАТЯ. Да.

ЙОСЯ. Знаешь, я тут подумал... Я хочу Люсе подарок сделать... на день рождения.

КАТЯ. Хорошо. Правильно.

ЙОСЯ. Вот возьми. Деньги возьми. Понимаешь, у неё же день рождения седьмого апреля, а в этом году это ещё и наш день, день геолога.

КАТЯ. Как совпало. Я никогда не задумывалась. Она ваша находка, или вы её...

ЙОСЯ. Я не знаю там... Я никуда не хожу. Купить бы ей что...

КАТЯ. А что?

ЙОСЯ. Не знаю. Ну, что там женщинам нужно? Не знаю.

КАТЯ. Может, ей что-то нужно? Может, что намекала?

ЙОСЯ. Да вроде всё есть у нас. Не знаю. Приятное хочу сделать. А что купить, не знаю. Раньше, понимаешь, проще было. Что-то дефицитное купишь - духи какие, кофточку - и всё. А сейчас, не знаю. Духи - да старых полно. Она и не пользуется. Одежда есть. Книг полно. Может, что подскажешь.

КАТЯ. Йосиф Абрамович, не знаю. Духи, наверное, точно не надо. Книги - тоже. А так не знаю. Надо подумать.

ЙОСЯ. Ты возьми деньги. Мало? Я ещё дам.

КАТЯ. Нет, с деньгами подождите. Разберёмся потом. Я подумаю. Может, какая идея будет. Надо что-то приятное сделать. Может, цветы купить.

ЙОСЯ. Может, возьмёшь деньги?

КАТЯ. Нет. Смотрите, я подумаю. Если что – я позвоню.

ЙОСЯ. Ты придумай, ладно.

Йосиф Абрамович пытается встать, чтобы проводить Катю до двери. Берёт палочку. Шаги неуверенные, он чуть не падает. Катя замечает это.

КАТЯ. А костыли? Вы так упадёте. Дайте я вам костыли дам.

ЙОСЯ. Не надо. Я так. Надоели они. Я и с палочкой дойду.

КАТЯ. Нет, сидите. Стойте. Сидите.

ЙОСЯ. Я тебя, вас хочу проводить.

КАТЯ. Я рассержусь. А вдруг упадёте. И что!?

ЙОСЯ. Я не упаду. Я вас провожу.

КАТЯ. Упрямый вы.

ЙОСЯ. Я хочу тебя проводить, до двери. И я тебе ещё помогу одеться. Я так хочу.

КАТЯ. Хорошо.

Йосиф Абрамович и Катя подходят к двери. Катя берёт пальто. Хочет его одеть, но Йосиф Абрамович перехватывает у неё пальто и пытается помочь ей его надеть.

ЙОСЯ. Я люблю весну. Смотришь из окна на лес, и всё оживает. Знаешь, Катя, знаете, ведь зима - это как маленькая смерть. Мы погружаемся в какую-то холодную, глубокую

яму, а потом - вот оно солнце и свет, и снова жизнь. Все хотят жить. Хотя... Вот Чехов как-то заметил, что счастлив тот, кто не замечает: лето или зима. А я замечаю. Я всегда жду весну.

КАТЯ. Вы думаете, что если человек не замечает: лето или зима, то он счастлив? Я не замечаю, и что?

ЙОСЯ. Так Чехов написал, так его Маша в «Трёх сёстрах» говорит. Только она там говорит, что если бы она была в Москве, то относилась бы равнодушно к погоде.

КАТЯ. А в Ухте? В Ухте вы это всё замечали?

ЙОСЯ. Мы были молоды, как-то уже и не помню.

КАТЯ. Вы так хорошо помните Чехова! А я как-то его и не любила в школе читать. А сейчас и некогда.

ЙОСЯ. Сегодня утром мне вспомнилась фраза из «Дяди Вани».

КАТЯ. Это рассказ или пьеса? Что-то слышала.

ЙОСЯ. Пьеса. Там один из героев говорит, что когда нет настоящей жизни, то люди живут миражами.

КАТЯ. Вы так думаете?

ЙОСЯ. Бывает, что так думаю. Но дальше там, в «Дяде Ване», ведь говорится, что это лучше, чем ничего. Я думаю так же, ведь это лучше, чем ничего.

Иосиф Абрамович чуть пошатнулся.

КАТЯ. Держитесь.

ЙОСЯ. Нет, нет. Я здесь хорошо стою. Не упаду. Давай. Вот, застегивайся, а то время то коварное. А о Чехове я могу долго говорить.

КАТЯ. Людмиле Ивановне передайте, что в субботу я приду. А вот седьмого апреля не получится, не смогу. Там надо к моим подопечным заскочить: и к людям, и к маленьким.

ЙОСЯ. Маленькие... Это хорошо. Хорошо.

КАТЯ. Я в субботу приду, вам что-то приготовлю. А про подарок... Знаете, ничего лучше цветов нет. Я вот, тайком принесу букет цветов. Такой красивый и большой. Вы его спрячете. А в воскресенье, седьмого апреля, в Ваш день геолога, в её день рождения, вы вот поставите этот букет сюда, на стол. А Людмила Ивановна и удивится такой красоте. Только подумайте, куда бы его спрятать.

ЙОСЯ. Я спрячу, Катя, спрячу.

КАТЯ. Ну, вот и отлично. А деньги не надо. Я куплю. Уберите!

ЙОСЯ. Ты там, Катя, будь аккуратней, там на улице. Не бегай. Эти переходы...

КАТЯ. Не беспокойтесь. До свидания.

ЙОСЯ. До свидания.

Катя уходит.

Затемнение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Кухня, день. Иосиф Абрамович сидит за письменным столом и внимательно, с карандашом изучает работы, делая там пометки. По радио тихо слышатся новости. Звонит телефон. Иосиф Абрамович берёт трубку.

ЙОСЯ. Академик Шнейдман. Слушаю. Что? Нет. Нет! Нет! Я не согласен там ставить свою подпись. Нет! Уберите! Нет! Я Вам говорю, что я не буду вот так делать. Я имею

свое мнение, свое имя! Если вы хотите чтобы я высказал своё мнение, я его выскажу так, как я думаю! И прислушиваться я не буду! Всё! Нет! Нет! Ещё раз нет!

В это время открывается входная дверь, и входят Людмила Ивановна и Андрей. Андрей помогает Людмиле Ивановне снять плащ и раздеться. Они разговаривают и потом проходят на кухню. Йосиф Абрамович немного удивлен гостю.

ЛЮСЯ. Повесь. Вот сюда вот. Да.

АНДРЮША. А это?

ЛЮСЯ. А это поставь. Пойдём.

Людмила Ивановна хочет пройти с Андреем на кухню.

АНДРЮША. Неудобно мешать.

ЛЮСЯ. Это Йося. Мой муж. Дед. Да он всегда ругается.

АНДРЮША. Я пойду.

ЛЮСЯ. Куда? Нет. Подожди.

АНДРЮША. Репетиция у меня.

ЛЮСЯ. Нет, мы будем чай пить. Сейчас ты всё расскажешь. Знаешь, как Йося обрадуется.

АНДРЮША. Думаете? Удобно?

ЛЮСЯ. Он с виду такой строгий. Будет брови поднимать, строгий вид делать. А так он другой. А ещё он еврей. Но ты не думай, так он нормальный. А я не еврейка, я русская. Не обращай внимания на него. Пойдём.

Людмила Ивановна и Андрей проходят на кухню.

ЛЮСЯ. Йося, это мы.

ЙОСЯ. Люся, я не понимаю, где ты так долго была? Люся, три с половиной часа прошло! Посмотри. Я семь раз звонил тебе. Твой телефон был выключен. Так нельзя, Люся!

ЛЮСЯ. Йося, это Андрей.

ЙОСЯ. Катя была.

ЛЮСЯ. Катя? Ушла уже?

ЙОСЯ. Мы ждали тебя. Я уже места себе не нахожу. Хотел закончить читать эту ерунду и идти тебя искать.

ЛЮСЯ. Йося, я не нарочно. Так получилось. Йося, извини.

ЙОСЯ. А телефон? Люся, ты его потеряла?

ЛЮСЯ. Нет.

ЙОСЯ. А что с ним.

ЛЮСЯ. Он разрядился, Йося. Я забыла его зарядить. Он всегда такой сердитый (*обращаясь к Андрею*). Будем пить чай.

ЙОСЯ. Я всё слышу.

ЛЮСЯ. Йося, а как тебе причёска?

ЙОСЯ. Хорошо.

ЛЮСЯ. И всё!?

ЙОСЯ. Всё.

ЛЮСЯ. Йося, я упала.

ЙОСЯ. Что!?! Как упала? Ты что?

ЛЮСЯ. Я из парикмахерской вышла, голова закружилась. Я стою, меня как повело! Я о стенку оперлась и падаю. А потом ничего не помню, Йося.

ЙОСЯ. Ты что!?! Как это? А сейчас как ты?

ЛЮСЯ. А потом смотрю, вот Андрюша меня поднимает. Познакомься, это Андрей. Он в нашем театре играет. Андрей, это Йосиф Абрамович.

АНДРЮША. Здравствуйте.

ЛЮСЯ. Ты садись, Андрюша. Вот за стол.

ЙОСЯ. Очень приятно.

Людмила Ивановна ставит чайник, достаёт чаики, хлопчет на кухне.

ЙОСЯ. Люся, померь давление. Иди, померь давление. Ты наверняка не выпила таблетки. А от давления, ту красную, что Катя говорила пить обязательно? Ты её пила?

ЛЮСЯ. Надулся. Да я тебе и не стала бы говорить, что я упала.

ЙОСЯ. Ты ту красную выпила?

ЛЮСЯ. Я позабыла, Йося.

ЙОСЯ. Как позабыла!? Её надо пить по расписанию. Вот тебя и повело. Выпей. Срочно.

ЛЮСЯ. Ну, Йося.

ЙОСЯ. Люся. Так нельзя. Пей.

Людмила Ивановна слушается, достаёт таблетки и выпивает их.

ЛЮСЯ. Ты лучше с Андрюшей поговори. Он в театре нашем играет. Он сегодня играл «Стойкого оловянного солдатика». Сказка детская. Андрюша, расскажи Йосе о театре. Он любит театр.

АНДРЮША. Правда!?

ЙОСЯ. Андрей, а по отчеству вас как называть?

АНДРЮША. Можно без отчества.

ЙОСЯ. Всё же.

АНДРЮША. Вячеславович.

ЙОСЯ. Андрей Вячеславович. Понятно.

АНДРЮША. Вы любите театр?

ЙОСЯ. Не очень. Когда-то ходил. Люся, ты выпила? Померь давление. Это опасно.

ЛЮСЯ. Вот заладил. Мне лучше.

ЙОСЯ. Вот упрямая! Так вы в театре играете. В сказках.

АНДРЮША. Нет, не только. Много спектаклей. Вот сейчас репетируем новый спектакль по Чехову.

ЙОСЯ. Наверное, «Вишнёвый сад»?

ЛЮСЯ. Ой, там у них в театре оказывается столько нового, интересного.

АНДРЮША. Понимаете, это будет такой спектакль-трансформер. Ну, не знаю. Не знаю, как объяснить. Это будут все четыре пьесы Чехова в одном спектакле.

ЙОСЯ. Это как? Вы их сократите? Не понимаю.

ЛЮСЯ. Йося, всё понятно. Это будет часть из одной пьесы, часть - из другой.

АНДРЮША. Да, верно. Первый акт - из «Чайки», второй акт - из «Дяди Вани», третий акт - из «Трёх сестёр».

ЙОСЯ. И четвёртый акт - из «Вишнёвого сада».

АНДРЮША. Да, верно.

ЙОСЯ. Муть.

ЛЮСЯ. Йося, мы не смотрели. Нельзя так судить.

ЙОСЯ. Если Чехов написал отдельную пьесу, то её и надо ставить.

АНДРЮША. Это эксперимент. Версия такая.

ЙОСЯ. Ясно. Версия! А вы, Андрей, задумывались над тем, нужен ли сейчас нам Чехов? Может, он уже не актуален? Может, он уже устарел? Вы так не думаете?

ЛЮСЯ. Йося, ну что ты сразу.

АНДРЮША. Чехова везде играют, значит, не устарел.

ЙОСЯ. Играть Чехова – это одно.

АНДРЮША. А вы считаете, что Чехов устарел!?

ЙОСЯ. Может, и устарел.

АНДРЮША. Да его весь мир играет, как же он устарел?!

ЙОСЯ. А вы не смотрите на других. Вот вы играете в его...

ЛЮСЯ. Йося, ну что ты мучаешь Андрюшу.

ЙОСЯ. Я просто хочу услышать его мнение.

АНДРЮША. Чехов – это классика.

ЙОСЯ. А вам лично Чехов близок?

АНДРЮША. Я как-то и не задумывался. Играю. Люди смотрят. Может, и близок. Времени как-то нет задумываться. Сказали – делаю. Жизнь такая, понимаете, надо туда успеть, сюда. А когда думать? Все ставят Чехова – значит, так надо.

ЙОСЯ. А может, лучше поставить что-то современное? Не думали? Может, это будет намного актуальнее и интереснее.

АНДРЮША. Да современного ничего и нет хорошего.

ЙОСЯ. Раньше было, а сейчас нет?

АНДРЮША. Не знаю, не я же отвечаю за это.

ЛЮСЯ. Йося, ну что ты!

АНДРЮША. Я же артист, мне сказали - и делай. А спорить и что-то доказывать - так окажешься на улице без работы и без денег. Я бы, может, хотел бы играть и современного кого-то, может, в какой лирической постановке, которая мне лично близко, так, кто даст-то!? А Чехов, знаете, сказал, вот в «Дяде Ване» и сказал, что в человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Разве не так?

ЛЮСЯ. Так! Правильно, Андрюша. Ты его не слушай.

АНДРЮША. А понимаете, мысль-то верная, правильная. Всё должно быть прекрасно! А как!? Что такое «прекрасно»? А если ты живёшь одними проблемами, если тебе надо платить за комнату, за одежду, за транспорт, а ролей нет, и с подработкой тяжело. Тут уже не до прекрасного, не до Чехова.

ЛЮСЯ. Йося, ну, правда. Сейчас молодежи тяжело.

ЙОСЯ. И получается, что все заняты своими делами, проблемами... и, не думая, играете Чехова, а зрители ходят и, так же не думая, всё это смотрят.

ЛЮСЯ. Ну, Йося!

ЙОСЯ. Подожди. Потому что Чехова вроде как надо играть, что это признанная классика, что так положено, что его все ставят! А про то, что Чехов хотел донести до нас, в суете всей этой и забывают. Не так!?

АНДРЮША. Может, и так. Жизнь сейчас такая. А вы думаете, что забывают!?

ЛЮСЯ. Андрюша, ничего он не думает. Он просто рассуждает, он...

ЙОСЯ. Знаете, когда я был как вы, молодой, я любил смотреть в театре, в кино про таких, как я – молодых, пылких, горячих, про своих современников. А эта «нафталиновая» классика мне не очень-то и нравилась. Мне нравилась борьба на сцене, конфликт... ну, или что-то лиричное, понятное, доступное. Чтобы поставить классику, надо её понимать, а может, как я, и целую жизнь прожить, чтобы понять её. Вот так...

ЛЮСЯ. Йося, ну что ты философствуешь!

ЙОСЯ. Чехов в одном из своих рассказов как-то заметил, что трудно понять человеческую душу, а вот собственную душу понять ещё труднее. А чтобы прожить роль, надо понять эту душу... и чужую, и свою.

АНДРЮША. А вы, значит, читали Чехова?

ЙОСЯ. Так, где-то слышал эту фразу. Я же технарь, литературу и не знаю.

ЛЮСЯ. Йося! А ты, Андрюша, его не слушай. Он любит мудрое что-то говорить.

АНДРЮША. Людмила Ивановна сказала, что вы геолог.

ЙОСЯ. Геолог. Да.

ЛЮСЯ. Йося, расскажи Андрюше про нефть. Это же интересно.

ЙОСЯ. Я не думаю, что нефть - это интересно артисту.

АНДРЮША. Почему? Я хотел пойти в «Губкина», в институт. Давно было.

ЛЮСЯ. Андрюша, я тоже геолог, но не академик. Мы тут все геологи.

ЙОСЯ. Андрей, интересно. Вы увлекались геологией?

АНДРЮША. Да, конечно. Мы с учительницей там у себя в Иркутске, в лесу, лазили по карьерам. Знаете, сколько там интересного.

ЙОСЯ. Конечно.

ЛЮСЯ. Андрюша из Иркутска. Там у него мама осталась. А тут он комнату снимает, один живёт. Представь себе.

АНДРЮША. Я тут недалеко живу - на Ботаническом саду. А химия, я просто ею бредил.

ЛЮСЯ. Андрюша, а почему ты в артисты пошёл?

ЙОСЯ. Люся, дай человеку рассказать.

АНДРЮША. Не знаю. Надо было решать. Подал документы в «Губкина», а заодно и на артиста подал, сюда во ВГИК. Ну и как-то прошёл. Я же там у себя, в Иркутске, в студии играл, в школе ещё.

ЙОСЯ. Ты его перебила, Люся, так нельзя.

ЛЮСЯ. Давайте чай пить. Это Катя принесла печенье?

ЙОСЯ. Да.

ЛЮСЯ. Андрюша, а ты с чем будешь чай пить?

АНДРЮША. А конфеты есть?

ЛЮСЯ. Мы их не едим. Нет.

АНДРЮША. Не любите?

ЙОСЯ. Не любим...

ЛЮСЯ. Нам нельзя.

АНДРЮША. А... да я всё ем.

ЛЮСЯ. А вот, с сахарозой есть пастила. Будешь?

АНДРЮША. Давайте, я люблю сладкое.

ЛЮСЯ. Без мамы-то здесь тяжело одному... А бабушка у тебя есть?

ЙОСЯ. Так кто же это придумал ставить в нашем театре Чехова с ног на голову?

ЛЮСЯ. Йося!

ЙОСЯ. Я просто спросил.

АНДРЮША. Почему с ног на голову? Людям нравится. Очень хорошо получается. Вам надо на премьеру попасть. А я вам контрамарку дам.

ЙОСЯ. Ну, конечно.

ЛЮСЯ. Нам тяжело, Андрюша. В театр дойти надо. Просидеть.

АНДРЮША. Да... Но, может, если получится.

ЙОСЯ. И что, народ в театр ходит, смотрит?

АНДРЮША. Да когда как.

ЙОСЯ. Небось, одна муть у вас там и идёт.

ЛЮСЯ. Йося, у них сказок много.

ЙОСЯ. Понимаю. Андерсена с Чапаевым объединили!

АНДРЮША. Да нет. У нас же разные спектакли. И Островский идёт, и Чехов, и современные разные спектакли.

ЙОСЯ. И народ смотрит?

АНДРЮША. Приходят.

ЙОСЯ. Много?

АНДРЮША. Да у нас здесь район окраинный, нетеатральный. Были бы в центре, народу бы было больше.

ЙОСЯ. Нормальный район.

АНДРЮША. У леса. На окраине. Пока доберешься.

ЙОСЯ. Я всю жизнь с севера на юг ездил и вот ещё жив. Не скис.

АНДРЮША. Да у нас тоже многие ездят издалека: и зрители, и артисты. Но если бы в центре были, народу бы больше было.

ЙОСЯ. Центр им подавай!

ЛЮСЯ. Йося!

АНДРЮША. А многие посмотрят: какая-то улица Проходчиков - далеко. Что за такая улица Проходчиков, где она?

ЙОСЯ. Значит, зрители в театр не ходят, потому что улица такая плохая?

ЛЮСЯ. Йося, ну он просто так сказал. А Андрюша ещё не женат.

ЙОСЯ. Всё расспросила.

ЛЮСЯ. Ну и что. Чего ты такой сегодня?

ЙОСЯ. Пойду я.

ЛЮСЯ. Куда ты, Йося?

ЙОСЯ. Не скажу.

Йосиф Абрамович поднимается и с палочкой, неуверенно уходит.

ЛЮСЯ. А тебе Андрюша жениться надо.

АНДРЮША. Успею ещё.

ЛЮСЯ. А ты ешь. Хочешь, я тебе... Ой, забыла. Ты же голодный, после спектакля. Тебя же покормить надо.

АНДРЮША. Да что вы, не надо. Я завтракал. А перед спектаклем я и не ем. А у меня ещё и репетиция, и вечером спектакль.

ЛЮСЯ. Давай я тебе гречки дам. Гречку. Любишь гречку? Котлетку куриную...

АНДРЮША. Да так... Я больше ну картошку, с грибами, с лучком.

Людмила Ивановна лезет в холодильник, чтобы положить ему поесть.

АНДРЮША. Нет, спасибо, я не хочу.

ЛЮСЯ. Целый день, и голодный? Так нельзя.

АНДРЮША. Ну, приходится. Работа такая. Сейчас репетиция скоро, я не хочу. А Йосиф Абрамович не обиделся.

ЛЮСЯ. Да что ты. У него там свои дела. Он не обидчивый. Дуется, да и только. Вот смотри – он с палочкой ходит. Еле-еле. А почему?

АНДРЮША. Не знаю.

ЛЮСЯ. Перед тобой. На костылях ему неудобно перед гостями. Хочет солидно выглядеть. А еле ходит.

АНДРЮША. Не знаю, ведь упасть можно.

ЛЮСЯ. Он упрямый. Хочется ему выглядеть так, вот покрасивее, посолиднее.

АНДРЮША. Ну...

ЛЮСЯ. А мама как одна, в Иркутске, а ты тут?

АНДРЮША. Я ей звоню каждый день.

ЛЮСЯ. А она тебя обратно не зовёт?

АНДРЮША. Зовёт, постоянно зовёт: приезжай и приезжай. Но здесь столица, а что там делать, в Иркутске. Здесь театр, роли.

ЛЮСЯ. И там есть театр, я была там.

АНДРЮША. Ну, столица есть столица.

ЛЮСЯ. А бабушка у тебя тоже в Иркутске.

АНДРЮША. Бабушки у меня все умерли.

ЛЮСЯ. Ой, жалко как! Так рано!

АНДРЮША. Мама меня поздно родила. Дед вот, в Усть-Куте живёт.

ЛЮСЯ. Один!? Не хорошо.

АНДРЮША. Ну, мама к нему ездит.

ЛЮСЯ. Мама-то одна там осталось. Плохо. Одна она там.

АНДРЮША. Одна. Звоню ей.

ЛЮСЯ. Надо не забывать и родителей, и бабушек своих.

АНДРЮША. Знаете, а ведь когда я был маленький, там, в Иркутске, бабушки и дедушки - все далеко жили. А у других детей, ну там, в детском саду, в школе, у них у всех были бабушки и дедушки. Они приходили, забирали их из детского сада, потом из школы, а я... Я приходил один домой, разогревал суп, который мама варила из пакетиков, варил макароны...

ЛЮСЯ. Из пакетиков?! Ой...

АНДРЮША. И боялся темноты. А я её и сейчас боюсь. А детям, у которых были бабушки, которые их ждали после школы, которые готовили им обед, слушали их детские разговоры, я завидовал, страшно завидовал. Никому не завидовал, а им страшно, страшно завидовал.

ЛЮСЯ. Ты маме своей почаще звони. Ты ей просто пару слов скажи и хватит – а ей хорошо.

АНДРЮША. Я звоню, но там другой часовой пояс – неудобно. Вот сейчас там уже вечер.

ЛЮСЯ. Вечер? Ну да...

АНДРЮША. А утром у них уже день. Иногда мама мне звонит сюда, так позабывает, что у них-то утро, а у нас-то еще ночь. А я телефон не выключаю на ночь – мало ли что с ней...

ЛЮСЯ. Правильно.

АНДРЮША. Может, мало ли что...

ЛЮСЯ. Ты бы себе какую актрису нашёл. Уже пора. Не тяни. Жениться бы тебе...

АНДРЮША. Некрасивые они.

ЛЮСЯ. А ты на красоту не смотри. Смотри, какая по душе. Вот смотри, знаешь кто это?

Людмила Ивановна достаёт альбом и открывает его на одной из страниц.

АНДРЮША. Кто?

ЛЮСЯ. Вот этот страшный – мой Йося в молодости.

АНДРЮША. Это он!?

ЛЮСЯ. А что ты хочешь. Чистокровный еврей. Стопроцентный. Но он таким себя не считает. Вот заведи с ним разговор о евреях – он меня еврейкой назовёт, а я русская, а про себя скажет, что он советский человек.

АНДРЮША. Ну да.

ЛЮСЯ. А вот некрасивый скажешь... А не в этом дело. Я из Горьковской области в Ухту поехала по распределению на скважину работать. А так я ленинградка. Но не хочу я об этом. Давно уже было. Там, в Ухте, всё такое суровое, неприветливое, народ и пьёт, и задирается... тяжело там было... Мы девчонки вместе держались. Да уж поумирали все они. И Йосю туда из Ташкента по распределению послали. А ты видел, какой он был? Тонкий, тощий. Как его ветер не сдувал?!

АНДРЮША. И вы его полюбили?

ЛЮСЯ. Да какое там... Знаешь, как мы над ним издевались!? Не то слово. Такой тонкий, противный, умный. Ну и что, что он в аспирантуре? А мы тоже не хухры-мухры. Мы тоже знали. А он на планёрке встанет и нам лекцию даёт. А мы слушаем и еле от смеха сдерживаемся. А он видим – злится, понимаешь?

АНДРЮША. Нет.

ЛЮСЯ. Целый год мы над ним издевались. Причём так махрово. Ты ему не говори. Обидится. Он и не знает. Мух ему в суп бросали. Бросала лично. Воду в ботинки ему зимой наливала.

АНДРЮША. Вы даёте!

ЛЮСЯ. Как он не заболел, не знаю. Ну, дурочки мы были. Разыгрывали его. Он, бедный, терпел.

АНДРЮША. И ничего не говорил?

ЛЮСЯ. Нет. Презрительно смотрел, как на тлю. Мы не могли даже заставить его в наш адрес слово дурное сказать.

АНДРЮША. Удивительно.

ЛЮСЯ. А тут как-то у скважины, я к ручью пошла за водой. И иду с полным ведром. А тут он стоит и так смотрит на меня, как на тлю. Я возьми и вылей на него ведро.

АНДРЮША. Как!?

ЛЮСЯ. Вот так. Я и не думала. Мысль мелькнула его облисть, и облила. И смотрю на него мокрого. А он - на меня, с такой ненавистью. То ли ударить хочет, то ли заплакать. Он потом даже ни разу и не спрашивал меня о той истории.

АНДРЮША. И что?

ЛЮСЯ. А мне так его жалко стало! Такой маленький, такой беззащитный, лохматый, нечёсанный!. Я возьми его и поцеловала. И убежала.

АНДРЮША. А он?

ЛЮСЯ. А он так и остался там стоять.

АНДРЮША. Вы потом поженились?

ЛЮСЯ. Поженились, но не сразу. Я потом заметила, что он сторониться меня стал. А девчонки тут мне сказали, что ты-де зачем его защищаешь? И правда, они над ним смеются, а я почему-то обижаться на них стала.

АНДРЮША. Влюбились?

ЛЮСЯ. Наверное. Только не поняла. А тут, там же скважины, нефть, в Ухте. А нефть там иссякала. И надо что-то было делать. А никто из начальства не хотел ничего менять. Качали по старинке, план не выполняли, премий лишали. Надо было что-то делать. И тут Йося и еще ребята предложили гидроразрыв пласта.

АНДРЮША. Что?

ЛЮСЯ. Ну, воду, проще говоря, воду залить в скважины.

АНДРЮША. Зачем воду?

ЛЮСЯ. Ну, это нам нефтяникам понятно. Вода бы давила на нефть, и нефть бы шла. Надо было решать. А никто из начальства не хочет на себя ответственность брать. И тут на собрании Йося, Паша, Лида вышли и стали доказывать. И так горячо. А я смотрю на Йосю - и никакой он не робкий. А говорит, добивается. Я оторваться не могла. Что-то он там долго. Йося! Йося!

ЙОСЯ. Я сейчас. *(Слышится из комнаты).*

ЛЮСЯ. А потом нас послали на дальнюю скважину. А дом там сгорел, жили в палатках. Я тогда всё смотрела на Йосю и смотрела. И как-то он один сидит у костра, кусок хлеба поджаривает. А я возьми и подкрадись к нему, и закрой ему глаза.

АНДРЮША. А потом вы поженились?

ЛЮСЯ. Нет. Нет, Андрюша. А потом я испугалась. Я от него бегать стала. Я от него шарахаться стала. Ой, ты даже не представляешь, как.

АНДРЮША. Почему?

ЛЮСЯ. Я испугалась. Я-то русская, а он - еврей. Да все же засмеют, все подруги. А фамилия у него какая - Шнейдман. Это же чистый ужас. Я как представила себе, что меня будут звать Людмилой Ивановной Шнейдман. Это же ужас. А Йося-то меня караулит. У клуба ждёт, у конторы ждёт.

АНДРЮША. А вы от него прятались?

ЛЮСЯ. Пряталась. Ещё как пряталась!

АНДРЮША. А что потом?

ЛЮСЯ. А потом я не углядела.

АНДРЮША. Как это?

ЛЮСЯ. Лидка Тишкова позвала меня на танцы. Мы и пошли. Стоим там, у колонны, в клубе. А тут Йося прямо передо мной встал. И на танцы приглашает.

АНДРЮША. Вы пошли?

ЛЮСЯ. А куда деваться. Танцуем, а он сначала молчал, а потом, так смотрит на меня и говорит: «Вы из-за того, что я такой страшный, от меня бегаете?». А я хлопаю глазами, даже остановилась. Все смотрят, а я стою. Он не понимает. А я смотрю на него, глазами хлопаю и про себя думаю: да провались они все пропадом! И говорю ему быстро-быстро: «Да какой же ты страшный?! Ты хороший, добрый, умный...». А потом увидела, что все смотрят на нас, и убежала. А он за мной. Догнал, за руку так сильно схватил. Я и не ожидала. И сказал так нежно, тихо: «Люся, я люблю Вас». И стала я Люсей Шнейдман. Все смеялись, издевались, как только не коверкали мою фамилию.

Людмила Ивановна задумалась. Андрюша сидит молча. Вдруг Людмила Ивановна, опомнившись, говорит.

ЛЮСЯ. Слушай, есть, есть они. Тут про клуб заговорила и вспомнила...

АНДРЮША. Про что? Что вспомнили!?

ЛЮСЯ. Я вспомнила, что нам тут дарили от Управы конфеты. Вон там, слушай, там, у окна в шкафу, возьми.

Андрей поднимается и идёт к шкафу.

АНДРЮША. Здесь?

ЛЮСЯ. Да, открывай. Вот. Вот видишь – бери их. Ты же любишь. Открывай.

Андрей берёт коробку конфет и надрывает пленку на них, смотрит в окно.

АНДРЮША. У вас театр виден из окна.

ЛЮСЯ. Да, виден.

АНДРЮША. И лес за ним. Высоко тут.

ЛЮСЯ. Девятый этаж.

АНДРЮША. А вон моё окно.

ЛЮСЯ. Какое? (*Людмила Ивановна приподнимается и смотрит в окно*).

АНДРЮША. Вот видите, забор, за ним такие большие окна, а левее - маленькие. Раз колонна, и за второй колонной мое окно. Гримёрка.

Людмила Ивановна садится обратно.

ЛЮСЯ. А я тут часто смотрю на улицу. Ходить-то сложно уже. А раньше вот...

АНДРЮША. А это ваша дочка. (*Андрей показывает на висящий на стене портрет*).

ЛЮСЯ. Да.

У Людмилы Ивановны появляются слёзы, голос дрожит.

ЛЮСЯ. Дочка. Танечка.

АНДРЮША. Что такое?

Людмила Ивановна машет рукой.

ЛЮСЯ. Сейчас. Сейчас. Подожди.

АНДРЮША. Извините.

ЛЮСЯ. Она погибла.

АНДРЮША. Погибла?

ЛЮСЯ. Сейчас, успокоюсь. Йося повесил здесь. Любит смотреть на этот портрет. А я стараюсь не смотреть. Посмотрю - прямо и плакать хочется, и сердце щемит, и руки немеют.

АНДРЮША. Молодая. На фото.

ЛЮСЯ. Младшая. У нас ещё Оля есть. Она в Америке живёт. Давно уже. Мы тоже хотели уехать к ней. Давно уже. У Оли там и дети, и правнучка наша родилась. Айрин зовут. А Таня - младшая. Она на врача училась. Поздно возвращалась. А тут её всё нет и нет. Куда звонить, не знаем.

Появляется Йосиф Абрамович с коробкой в одной руке и неодобрительно смотрит на жену.

ЛЮСЯ. Нервничаем, в окно смотрим. А мы только переехали сюда. Она и замуж только вышла. За Петю вышла. Квартиру разменяли. Петя-то поехал со стройотрядом. А она у нас жила, а там ремонт делали. Смотрим в окно, как сейчас помню. Темно. Машины ездят. В театре огоньки. Зрители после спектакля идут. А её всё нет.

ЙОСЯ. Люся, ты что? Зачем?

ЛЮСЯ. А я выглядываю. Нет и нет. Ходим тут по кухне и места не находим. А тут звонок. Участковый стоит. Йося открыл дверь. А я смотрю на участкового и думаю только: хоть бы ты ошибся, хоть бы жива была! А он нас спрашивает: мы или не мы, и говорит: погибла, сбили. Переходила в неположенном месте.

ЙОСЯ. В положенном она переходила, в положенном, в правильном.

ЛЮСЯ. Сбили, говорит. Насмерть. Там-то и там она. Надо ехать завтра. Вот адрес. А я села тут и думаю: как же так? Как? Не может быть! Йося Ольге звонить стал. А она в Риге с мужем. А она не может сразу приехать. Говорит, что через день приедет. А я смотрю на Йосю, и как во сне всё.

ЙОСЯ. Люся, ну что ты Андрею... Может, ему не надо это.

АНДРЮША. Нет, нет... ничего...

ЛЮСЯ. А мы поехали в морг - кто слово-то такое придумал... Я как увидела всё это, и смотреть не стала. А Йося вышел ко мне и говорит: «Она, она, Люся...». А как жить дальше. Как жить без неё. Вся жизнь как мимо прошла. Вернулись мы сюда. Молча на сто семьдесят втором доехали. Я в булочную зашла, а Йося в аптеку пошёл. Вышла я из булочной – девушки молодые идут, дети играют, и так тяжело стало. Поднялась я в квартиру. Дверь открыла, на кухне механически раскладываю всё и на окно смотрю.

ЙОСЯ. Люся...

ЛЮСЯ. А за окном лес – большой-большой... далеко-далеко – как море зелёное... А в низу крыша театра, колонны. И как-то пусто. Потянула я раму...

ЙОСЯ. Люся...

ЛЮСЯ. Раму потянула на себя, открыла. Ветер сразу обдул, воздух... И подумала я, зачем мне это всё нужно, как я буду жить дальше, что я буду делать и зачем? А этот лес меня так манит, колышется внизу, ветки качаются... Поднялась я на стул...

ЙОСЯ. Люся...

ЛЮСЯ. Стою и смотрю вниз, ничего не замечаю. Тянет меня вниз, а руку отпустить от рамы боюсь. Думаю, ещё постою немного и отпущу руку... навсегда... навсегда... Тут как будто смотрит на меня кто... Оборачиваюсь. Йося стоит, молчит, не двигается. Смотрю я на него. Не знаю, сколько там мы стояли. И думаю, а как я его оставлю одного здесь. Одного-одинешенького, без всех. Как же он один?! А через неделю надо работу в журнал сдавать, а кто ошибки проверит? Он же с ошибками пишет, запятые не ставит. Спустилась я... Да так и живём мы тут... Ольга уехала... А Таня тут... на «Бабушкинском» лежит... По улице прямо-прямо.... И там...

ЙОСЯ. Ладно...

ЛЮСЯ. Ты ешь конфеты. Ешь. Давай чай налью.

Йосиф Абрамович выкладывает из коробки какие-то листовки. Людмила Ивановна ставит чайник. Берёт чашки и хлопочет.

ЙОСЯ. Мы сюда в 1981-м переехали. Тут ещё стройка была. И под окнами театр. Я говорю Люсе: вот девочки наши разъехались, теперь в театр будем ходить.

ЛЮСЯ. Да, Ольга - в Риге с мужем, а Танечка вот замуж..

ЙОСЯ. В Ухте ты мечтала о театре, а теперь он у тебя под боком будет. Вы ещё в 1981-м и не родились, Андрей.

АНДРЮША. Нет. Через шесть лет.

ЙОСЯ. А мы тогда пошли в первый раз в этот театр. И назвали его нашим, наш театр. Так и ходили. Вот она коробка. Это программки. Их тут сотни, видите? Я думал, найти, вам показать... Может, интересно.

АНДРЮША. Да, конечно.

ЙОСЯ. Все-таки история. Может, знаете... А мы всех артистов знали. Ходили часто. А что ещё делать... Люсе «Пора тополиного пуха» нравилась. Да, Люся?

ЛЮСЯ. А? Да... Да... любимый спектакль... Там артистка красивая играла...

ЙОСЯ. Она на Таню немного была похожа...

ЛЮСЯ. Да не похожа она.

ЙОСЯ. Люся и ходила... Вот раз сто и ходила.

АНДРЮША. Сто раз на один спектакль?!

ЛЮСЯ. Много раз... Много раз... Йося не хотел. Ему не нравилось. А я одна иду... Сяду на последний ряд, смотрю, а то в середине, то в конце плачу. Грустно становилось, и плачу. А потом слёзы вытираю, последней из зала выхожу, и как-то легче становилось.

ЙОСЯ. Ну да... Да... А мне другие нравились. Вот, смотри. Это «Единственный наследник». Такой смешной был спектакль.

АНДРЮША. «Единственный наследник», так он сейчас шёл недавно.

ЙОСЯ. Надо же. А вот – «Старый дом», «Притворщики», «Обернитесь в беге», «Осень следователя», «Прошлым летом в Чулимске», «Из записок Лопатина»...

АНДРЮША. Интересно. И вы так много ходили в театр!?

Людмила Ивановна ставит чайник и наливает чай.

ЛЮСЯ. Вот, пей. Конфеты бери. Не стесняйся.

АНДРЮША. Спасибо.

ЙОСЯ. Нам интересно было. Он был нам как родной. Смотришь на артистов на сцене, приходишь в театр... Они старели с нами, выросли с нами. Я их всех помню: Новак, Беспалова, Левашев.

ЛЮСЯ. Курский, Кашинцев, Литовкин.

АНДРЮША. Вы же про театр всё знаете, про наш театр!

ЛЮСЯ. Знаем... Раньше знали...

АНДРЮША. У нас вроде музей будут делать. А многое, я слышал, выбросили. А вот смотрите - тут и фотографии у вас, и афиши, и буклеты...

ЙОСЯ. Люся плакала в театре.

ЛЮСЯ. Йося, ну...

ЙОСЯ. А я ходил туда мечтать, жить чужими жизнями, переживать за других, а не за себя, учился радоваться. Это было наше место. Я атеист, во всякую чушь не верю. Люся там иногда и ходит, записки всякие подаёт, свечи ставит. Пусть. А мне это не надо. А там у меня было место для души.

АНДРЮША. А вы сейчас приходите, у нас же много спектаклей. Я контрамарки вам оставлю. Давайте я запишу ваш номер телефона. Какой?

ЛЮСЯ. Сто восемьдесят три пятьдесят семь восемьдесят.

АНДРЮША. Я позвоню.

ЛЮСЯ. Пятьдесят семь и восемьдесят на конце. Ты позвони, Андрюша...

ЙОСЯ. Мы уж не ходим. Как пошла эта катавасия... Пошли как-то с Люсей, а там стриптиз на сцене... Мы и ушли. И так и не ходили. Потом мы болеть стали, ноги плохие, Люся по больницам...

ЛЮСЯ. А я бы сходила. Сходила бы...

ЙОСЯ. Ты и в Америку бы слетала...

ЛЮСЯ. И в Америку полечу. Полечу.

ЙОСЯ. Полетишь...

АНДРЮША. Я позвоню. У нас знаете, есть, есть спектакли. Вам понравится. А билеты я на первый ряд вам достану, чтобы удобнее было. Вот «Провинциальные анекдоты», вот на них.

ЙОСЯ. Да мы бы рады, да старые мы. Куда нам по театрам уже. Не высидим.

ЛЮСЯ. А я высижу. Андрюша, а ты там играешь, в этих «анекдотах»?

АНДРЮША. Да, конечно.

Андрюша делает попытку встать.

ЛЮСЯ. Йося, ну мы высидим. Мы аккуратно. А, Андрюша, ты куда?

АНДРЮША. Репетиция уже скоро. Надо бежать. Режиссёр ругается. Опоздаю.

ЛЮСЯ. Так может, поешь. Может, останешься поесть.

ЙОСЯ. Люся, ну он дисциплинированный, что ты!

ЛЮСЯ. А давай ты коробку конфет с собой возьми. Вот с собой. Там чай попьешь.

АНДРЮША. Спасибо, не надо. Нет.

ЙОСЯ. Люся, не настаивай. Он стесняется.

ЛЮСЯ. Возьми. Вот. Бери. Не рассыпь.

Андрей собирается уходить, а Людмила Ивановна его провожает.

АНДРЮША. Я позвоню вам, обязательно позвоню. Скоро.

ЛЮСЯ. Ты приходи к нам, Андрюша. Приходи.

АНДРЮША. До свидания, Йосиф Абрамович. До свидания.

ЙОСЯ. Да, да... до свидания.

АНДРЮША. Людмила Ивановна, до свидания. Я позвоню.

ЛЮСЯ. Ты приходи. Вот в любое время. Я картошку пожарю. Тебе пожарю. Приходи.

АНДРЮША. Да, конечно. Мне пора, всё, до свидания.

ЛЮСЯ. Приходи, мы будем ждать. Йося, мы же будем ждать? Будем?

ЙОСЯ. Андрей, приходите.

АНДРЮША. До свидания.

Андрей выходит, дверь закрывается.

ЙОСЯ. Зачем ты ему рассказывала всё, это лишнее, подумает ещё чего...

Людмила Ивановна подходит к окну и смотрит в него.

ЛЮСЯ. Йося, знаешь...

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Какая долгая жизнь, Йося... И какая короткая. Я тебе никогда не говорила.

ЙОСЯ. О чём?

ЛЮСЯ. Я тут вспомнила. Наши окна выходили во двор-колодец. Тёмная ленинградская зима, бабушка не двигается на кровати, так холодно, и так хочется есть! Я смотрю в это окно, на сугробы, на холодную зиму и на женщину, которая упала на улице и не встаёт. А бабушка умерла, и тётя Нина, и Миша, и Ваня, и наша соседка. А нас спасли. А потом мы туда не вернулись. Мама не простила этот город, а может, ей было страшно. А через много лет, когда кончилась война, я училась в школе, как-то ночью, зимой, когда всё замело, а над всем этим светила яркая луна, я вдруг проснулась и всю ночь не могла уснуть. Я думала: все они умерли — бабушка, тётя Нина, а я жива. Я тут. Жива! Для чего жива!? Для того, чтобы жить, любить и быть самой, самой счастливой на земле... Может, так, слышишь..? Что ты молчишь?

Молчание.

ЛЮСЯ. Он больше не придёт, никогда, никогда не придёт...

ЙОСЯ. Он сказал же, что позвонит.

ЛЮСЯ. Все так говорят. Это радио что-то бормочет...

ЙОСЯ. Люся, он придёт.

ЛЮСЯ. А у нас бы мог быть наш Андрюша, такой же красивый и взрослый, если бы Танечка...

ЙОСЯ. Люся, Катя разводится. Она, оказывается, не любит Игоря. Ты представляешь?!

ЛЮСЯ. Сделай радио погромче. Я помню эту песню.

Звучит песня. Людмила Ивановна смотрит в окно. Йосиф Абрамович - на Людмилу Ивановну. Свет постепенно гаснет.

Ты пришёл к нам таёжной тропинкой,
На моём повстречался пути.
Ты меня называл бирюсинкой,
Всё грозил на медведя пойти.

Только вдруг завтра утром уедешь, -
Станет зябко тебе у костра...
Может, ты и пойдёшь на медведя,
Да боишься в тайге комара.

Ты не тот или тот?..
Я молчу, я молчу целый год.
Но зато не найти полчаса,
Чтоб молчала моя Бирюса.

Я тебя не ждала, не искала,
В бирюсинские дали маня.
На обросших смородиной скалах
Ненароком ты встретил меня.

Ты привык ко всему городскому.
Что тебе в нашей дикой красе?
Может, вдруг станет скучно такому
На дремучей реке Бирюсе.

Ты не тот или тот?..
Я молчу, я молчу целый год.

Но зато не найти полчаса,
Чтоб молчала моя Бирюса.

Вот опять тянет мёдом с верховий.
Влажный ветер зовёт меня в путь.
Почему ж твои рыжие брови
В эту ночь не дают мне уснуть...

В эту ночь, может, кажешься мне ты
Самым главным в девичьей судьбе.
Я боюсь, что случайно об этом
Бирюса разболтает тебе.

Затемнение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Кухня. Вечер. За столом сидит Йосиф Абрамович и что-то набирает на компьютере. Катя стоит у окна и смотрит в него.

КАТЯ. Давно она так?

ЙОСЯ. С неделю. Сегодня же суббота. Значит, уже с неделю.

КАТЯ. Я не вижу особых причин для плохого самочувствия. Вам помочь?

ЙОСЯ. Я не знаю, зависло тут. Посмотри.

КАТЯ. Это что?

ЙОСЯ. Письмо в департамент, или как там они сейчас называются.

КАТЯ. Зачем?

ЙОСЯ. Они там, понимаешь, творят что попало. Неучи, бездельники, бесхребетники, какие-то придурки там. Меня не будет - и всё! Никому же ничего не нужно. Всё продали.

КАТЯ. А вам нужно!?

ЙОСЯ. А я так просто отдавать им не хочу!

КАТЯ. Что отдавать!?

ЙОСЯ. А я помню, сколько трудов всё это стоило, сколько людей погибло, сгнило в болотах, чтобы всё построить.

КАТЯ. Вот тут, смотрите. Сюда нажмите. А потом сюда. Так вот.

ЙОСЯ. Вот, вот... Да, спасибо.

КАТЯ. С Людмилой Ивановной надо что-то делать. Если она так не будет вставать, это плохо кончится, слышите!?

ЙОСЯ. Катя, а что я могу сделать? Ничего...

КАТЯ. Ну, как... ну...

ЙОСЯ. Во вторник Ольга прислала фото своей внучки, нашей правнучки Айрин. Вот, по почте. Смотрите.

Катя смотрит на мониторе фотографии.

КАТЯ. Светленькая. Мне кажется, на Людмилу Ивановну похожа. Вот, видите...

ЙОСЯ. Айрин, это как по-русски?

КАТЯ. Может, Ирина.

ЙОСЯ. Может...

КАТЯ. И что?

ЙОСЯ. А мы даже голоса Иришки ни разу не слышали. Ей уже пять лет. А куда мы полетим?! Надо было раньше лететь, в девяностом. Предлагали же...

КАТЯ. А почему не поехали?

ЙОСЯ. Да... Знаешь, да, ладно... Жалею я. Надо было всё бросить и ехать отсюда. Всё бросить! Понимаешь!

КАТЯ. Вы так думаете?!

ЙОСЯ. А что она?! Ну, эта Родина... Ну кому она нужна?! Нету её, ушла, растворилась! Вот сижу тут, безногий калека, и смотрю в окно – на театр, на улицу и на лес... Вот! И сделать ничего уже не могу.

КАТЯ. А если бы уехали!?

ЙОСЯ. Люсю бы там на ноги подняли, понимаешь? Ольга бы была рядом, внуки, правнучка...

КАТЯ. Может, и так...

ЙОСЯ. А что здесь, что!? Я езжу в институт, как такое пугало, которое говорит, – смотрите, смотрите, вот он, я - скелет из шкафа, как напоминания об их грехах, о том, что они разворовывают страну.

КАТЯ. Разворовывают...

ЙОСЯ. Кто помногу, кто так, вприхватку.

КАТЯ. Перестаньте, ну что вы...

ЙОСЯ. Катя, я так жалею. Больше из-за Люси. Там бы её на ноги подняли бы...

КАТЯ. А что Ольга написала, что сказала?

ЙОСЯ. Да ну... Она как будто не понимает... Как будто не понимает, как мы живём. Приезжайте, переезжайте... Куда!? Как!? Я ей тут и говорю: ну ты хотя бы, пока мы живы, приезжай! Посмотри, как мы живём. Ты – сюда, А не мы к тебе.

КАТЯ. И что!?

ЙОСЯ. Ничего...

КАТЯ. Вы на неё обиделись?

ЙОСЯ. Нет... нет...

КАТЯ. Обиделись.

ЙОСЯ. А как!? Катя! Единственная дочь! За тридевять земель, так далеко, что и не понять, где... в другом мире. Вот, открой шкаф, открой... вон там...

Катя открывает шкаф на кухне.

ЙОСЯ. Там коробочку возьми, открой.

Катя открывает коробочку и достаёт десятки конвертов.

КАТЯ. Это что? Письма? От Ольги?

ЙОСЯ. Ты открой. Конверт открой.

Катя открывает конверт и достаёт несколько стодолларовых купюр.

КАТЯ. Деньги!? Доллары!?

ЙОСЯ. Ольга шлёт периодически. То двести долларов, то пятьсот...

КАТЯ. И сколько их тут?

ЙОСЯ. Я не считал.

КАТЯ. А почему вы их не тратите?

ЙОСЯ. Нет. Не притронусь! Пусть их заберёт, когда нас не будет. Себе заберёт.

КАТЯ. У неё же, может, свои трудности. Там же жить не просто, в этой Америке.

ЙОСЯ. Пусть, пусть...

КАТЯ. Надо прощать...

ЙОСЯ. А Игорь! Катя, вы же его не простили!?

КАТЯ. Вы злой сегодня.

ЙОСЯ. Я всегда злой! Всегда!

КАТЯ. Ладно.

ЙОСЯ. Сейчас я колченогий и старый и ничего не могу. Голова работает, а всё остальное...

КАТЯ. Не надо так.

ЙОСЯ. Надо было уехать в Америку или Израиль... Надо. Да не говори, поздно уже. Всё прошло, потеряно. А Люся, понимаешь!?

КАТЯ. Что?

ЙОСЯ. А Люся!? Ладно я, а сколько ей здесь досталось!

КАТЯ. Вы про что!?

ЙОСЯ. Да про то же. Ладно я. Может и заслужил. А она-то причём? Вот, тут недавно, когда она в Сокольниках лежала, помнишь!?

КАТЯ. Да.

ЙОСЯ. Я приехал туда на такси. А лифт там не работает. Я с костылями по лестнице...

КАТЯ. Ну, Йосиф Абрамович, ну почему вы всегда один? Почему меня не позвали?

ЙОСЯ. Подожди! Я до её этажа поднялся. Четвертый. Тяжко. Передыхаю там, на лестнице. А там две тетki стоят. Понимаешь, такие две... какие-то медсёстры... и говорят между собой, и слышу невольно, что Люсю обсуждают — жидовка старая, говорят. Чем-то не понравилась она им, понимаешь!?

КАТЯ. Так и сказали... жидовка!?

ЙОСЯ. А я смотрю им прямо в лицо и говорю им: это я жид, самый настоящий жид! Видите! Самый настоящий, говорю. А она-то — русская! Фамилия у неё моя, и всё!

КАТЯ. Ну, зачем вы? Дуры они две.

ЙОСЯ. А так всю жизнь, Катя. Смотрят на фамилию, а что за человек... И не надо... Я-то ладно, а сколько она настрадалась. Везде — жидовка, еврейка... Только и слышала...

КАТЯ. Дураков у нас много. Думаете, их там меньше...

Молчание.

ЙОСЯ. Вот сижу тут и слушаю этот бред по радио. До того, как ты пришла, говорили, что одна народная артистка с Украины попросила её оградить от русских...

КАТЯ. Так и сказала!?

ЙОСЯ. Катя, я еврей, я могу говорить, и никто меня не обвинит в том, что я русский националист и патриот. Но я слушаю всё это и не понимаю - что вы делите? Почему вы такие дураки?

КАТЯ. Почему дураки!?

ЙОСЯ. Я всю жизнь прожил в поездках. Я весь мир объездил, понимаешь. Люди-то везде одинаковые.

КАТЯ. Как? И американцы одинаковые?!

ЙОСЯ. Да такие же, как мы, они, понимаешь... Различие только одно. Одно! Вечное!

КАТЯ. И какое же?

ЙОСЯ. Богатые и бедные. А между нами - советскими и американцами — толком-то и нет различий. И там люди работают и трудятся, и у нас они работают и трудятся... Ну, живут, может, там побогаче. Между людьми иногда встают такие границы... Я думаю, зачем люди ставят границы — границы настоящие и невидимые? А иногда невидимые границы разрушать сложнее... невозможно их разрушить. Вот у нас была большая страна. Был Советский Союз. И это была моя страна. А сейчас все разделились по кучкам — это твоя кучка, а это — моя, и не трогай мою кучку! А как я могу разделить у себя в сердце, в голове эту большую страну на какие-то кучки! Нет! Это моя страна — большая, и я не признаю

это разделение, понимаешь! Катя, не хочу признавать. И Украина - моя страна, и Эстония - моя страна, и Казахстан - моя страна. Это моя общая, большая страна.

КАТЯ. Но вы ничего уже не исправите.

ЙОСЯ. Я могу не признавать!? Я могу не смириться! Это же мое право! Я хочу оставаться верным своим принципам — я советский человек!

Молчание.

ЙОСЯ. А эта религия. Я не понимаю.

КАТЯ. Что не понимаете?

ЙОСЯ. Раньше в бога никто не верил. Сейчас все верят.

КАТЯ. И что?

ЙОСЯ. Все прозрели и стали верить!?! Нет, не думаю, не верю. Мода, всё делают так, как делают все вокруг. Вот и Люся, всё просит съездить в церковь. Тут у нас есть на Ярославском шоссе, видели?

КАТЯ. Да, проезжаю мимо.

ЙОСЯ. Она там записки пишет во здравие да за упокой, свечи ставит. А я стою там, в уголке, и смотрю на людей, на их лица. И думаю, вот вы сюда пришли со своими сокровенными мыслями, с чем-то, может быть, чистым и искренним, но стоит вам выйти за эти стены - и в кого вы превращаетесь? Или нет... Я думаю, что люди во всём мире верят, в принципе, в одно и то же.

КАТЯ. И во что же?

ЙОСЯ. В добро, в справедливость, в мир, в красоту, в любовь...

КАТЯ. В любовь!?

ЙОСЯ. В любовь верят. И все верят, а глотку перерезать готовы любому, кто верит не так как они. Понимаете, не так вот он верит! Один верит по-своему, а другой по-другому. И всё тут. Разница - те плохие, а эти хорошие... Да и вообще, Катя, ну, это смешно в двадцать первом веке верить в эти бредни.

КАТЯ. Но многие же искренне верят.

ЙОСЯ. Катя, боятся. Смерти боятся, болезней боятся... Так проще жить. Свечку поставил, службу отстоял, деньги пожертвовал, пост соблюдаешь — значит, ты спасёшься. Так же они говорят?

КАТЯ. Наверное.

ЙОСЯ. А вот так вот просто, без всякого бога — быть просто человеком. Нельзя!? А!? Ведь послушайте, они все со своими религиями и верами забывают, что главное - это быть и оставаться человеком! Человеколюбие, понимаете! Делать что-то, жить, работать не ради чего-то эфемерного, чего-то далекого и какой-то сказки, а ради людей, ради своей страны, своего народа, людей в целом, понимаете!

КАТЯ. Но люди, которые верят, тоже, наверное...

ЙОСЯ. Видел я, какие они, как выходил за ограду церкви...

КАТЯ. А вы верите?

ЙОСЯ. Нет.

КАТЯ. Атеист?

ЙОСЯ. Нет. Человек.

КАТЯ. Ни во что не верите?

ЙОСЯ. Я верю в здравый смысл, в справедливость, в добро и в то, что люди должны оставаться людьми — всегда. Послушайте, вы же знаете... Я хочу сказать...

КАТЯ. Что?

ЙОСЯ. В тридцать восьмом году, я только пошёл в школу, мы жили здесь, в Москве, Покровка, двадцать девять. Ночью, майской ночью, во двор въехала машина. Вы же знаете... Мой отец был геологом.

КАТЯ. Да, конечно, я помню. Вы стали, как он.

ЙОСЯ. Он только вернулся с зимовки. А пока они на Севере дрейфовали на «Садко», тут строчили доносы. Понимаете!?! На Самуйловича, на Евгенова, на Шмидта - на всех. На отца. Отец уже знал, что скоро за ним придут. Мы его после зимовки только и успели-то, что обнять. Он только приехал из Ленинграда. Ночью звонок в дверь. Помню глаза отца. Он ничего не сказал мне. Я проснулся, выбежал из комнаты и видел его и тех людей, которые его забрали.

КАТЯ. НКВД.

ЙОСЯ. Наверное. Он посмотрел на меня, на мать - и ушёл. Навсегда ушёл. В 1955-м его реабилитировали. Сказали, что ошибка. Он умер в лагере. Где он похоронен - неизвестно. А с Покровки нас выселили. Быстро. Меня и мать. И соседи превратились во врагов.

КАТЯ. А потом?

ЙОСЯ. А потом мы уехали к маминой сестре в Ташкент. Мама умоляла взять её фамилию. Пришлось. Там я учился, там закончил институт.

КАТЯ. И всю жизнь хотели вернуться в Москву?

ЙОСЯ. Мама тоже.

КАТЯ. Она же там умерла.

ЙОСЯ. Да, во время войны. Я был подростком.

КАТЯ. А зачем вы это сейчас вспомнили?

ЙОСЯ. Я часто об этом думаю. А ещё о том, о чём думали они - евреи, русские, украинцы, которых фашисты травили в газовых камерах. Может, у них была возможность не попасть в эти лагеря, может быть, был какой-то шанс уйти. Может, они думали о своих близких, о тех, кто рядом. Может, у них была хотя бы какая-то надежда, что они выживут...

КАТЯ. Это было страшно.

ЙОСЯ. Когда я уже учился в университете, посадили профессора Эдельштейна. Он умер в застенках. А через два года его оправдали. Котульского посадили - погиб. Русакова посадили, Тетяева, Григорьева, Вологодина - все геологи - цвет нашей науки. Многих сгубили. А сейчас умники по радио что-то там вещают... За что они все - тысячи, миллионы...

КАТЯ. Увы, страшное время.

ЙОСЯ. Страшно, что это может повториться. Страшно то, что все эти люди могли бы жить... Миллионы расстрелянных Сталиным, миллионы убитых фашистами...

КАТЯ. И вы при этом называете себя советским человеком!?

ЙОСЯ. Называю. Была прекрасная идея построить страну, где люди будут жить по справедливости... И я строил эту страну, несмотря ни на что. И я не уехал отсюда. Нельзя смешивать одно с другим. Понимаешь, Катя... Понимаете, ведь были люди, которые плевали нам вслед здесь, на Покровке, которые кричали нам на лестнице: «поганые жиды». Я помню... А были и другие, которые оказали нам помощь, помогли. А Люся... Что я ей тогда мог дать? Нищий, тощий еврей... А сколько она натерпелась из-за моей фамилии. Ведь людям главное - найти врага. Еврейка... И им бесполезно объяснять, что она не еврейка. И она перестала... И она стала для них еврейкой. Но, тем не менее, что же это?.. Забыл... Катя, а по ночам я думаю о них... о тех, кто был убит, замучен, уничтожен... кто не дожил, не родил детей, не создал семьи... Зачем? Для чего? Кто-то стал счастливее от того, что погубили столько невинных жизней!?

Молчание.

КАТЯ. Зрители идут в театр. Наверное, скоро спектакль?! Странно, в семь обычно начало, а сейчас без двадцати шесть.

ЙОСЯ. По выходным они в шесть начинаю

КАТЯ. Я давно не была в театре. То с Машкой дела, то пациенты, беготня... Вот и к вам, на другой конец Москвы, надо заехать.

ЙОСЯ. Катя, тут такая история произошла... тут, Люся упала... Ну, помните, в тот день, когда вы приходили.

КАТЯ. Конечно.

ЙОСЯ. Ей до дома один артист помог дойти, Андрюша. Приятный такой. А потом он здесь сидел. Вот здесь. О себе рассказывал, о театре. А Люся, она такая, она ему не пойми что стала говорить.

КАТЯ. В каком смысле?

ЙОСЯ. Таню вспомнила, о том, что выброситься хотела... Я ей говорю потом – зачем? А этот Андрюша расположил ее что ли. Прониклась она что ли... Мы же мальчика хотели... а всё девочки... А он такой приятный, умный, воспитанный.

КАТЯ. И что?

ЙОСЯ. Он ушёл. Он обещал прийти. Обещал позвонить.

КАТЯ. И что?

ЙОСЯ. Он не позвонил. И не пришёл. А она-то ждёт. Вот утром она тут у окна встала, показывает мне в окно и говорит: вот там его окно, его гримерная. Где там, не пойму. А она тычит - за колоннами... Какими колоннами, где? Я не пойму. Смотрит туда...

КАТЯ. А телефон его, фамилию знаете?

ЙОСЯ. Не знаю. В театре играет, Чехова играет, «Стойкого оловянного солдатика» играет... и больше ничего не знаю.

КАТЯ. Может, его найти?

ЙОСЯ. Как?!

КАТЯ. В театре.

ЙОСЯ. Пойти и сказать, что он к нам приходил, вот такой-то Андрюша, и что Люся притянулась к нему и ждёт? Чтобы подняли на смех?

КАТЯ. Вы думаете, что если он придёт, то Людмила Ивановна встанет, ей станет лучше?

ЙОСЯ. Не знаю... ничего не знаю...

КАТЯ. Я схожу в театр.

ЙОСЯ. И что!? Что вы там скажете? Что два сумасшедших старика тут страдают в одиночестве и хотят чтобы к ним пришёл молодой артист утешить!

КАТЯ. Вы злой сегодня!

ЙОСЯ. А что, что сказать! Быть посмешищем! Может, и не нужны мы ему. Так, из-за своего воспитания проводил бабульку до квартиры... а дальше у него свои дела...

КАТЯ. Вы любите думать за других.

ЙОСЯ. Катя, но так и есть. Я же понимаю: он молодой – у него своя жизнь... Ну зачем ему моя Люся, старая, выживающая из ума женщина, со своими историями и женскими пустяками.

КАТЯ. Так, подождите, давайте поступим так: театр за окном, я по дороге туда зайду и просто поинтересуюсь у вахтёра. Просто поинтересуюсь. А дальше буду действовать по ситуации. И никто не будет посмешищем, понимаете?

ЙОСЯ. Да... Тут вот пишешь эти письма всяким инстанциям, а никому не нужно... Мы не нужны... Люся никому не нужна...

КАТЯ. Ну, хватит... хватит...

ЙОСЯ. Устал я, Катя, хорохориться устал. А всё болит... Внутри болит, снаружи болит, душа зудит, покоя нет. Лежу ночью и всё думаю, думаю... покоя нет... не спится... Как так жили? Как так случилось? Как Люсю поднять, взбодрить? Стараешься шутить, придумываешь что-то. Прочитаешь ей что-то, а она не слушает... Она далеко... Она в своих мыслях. Она вроде тоже старается бодриться. А я вижу – пусто у неё... нечем жить... не для чего... как это – доживаем... не живём... устал я. Я думал, что вот будет потеплее, наступит весна, птички запоют... Весной ведь хочется жить... несмотря ни на что. Завтра же седьмое апреля, а вокруг тоска, и весна уже не та...

КАТЯ. А вы думаете... это тот артист...

ЙОСЯ. А Андрюша... Не знаю... Какой-то он свой, такой домашний, такой родной какой-то. Понравился он и мне, и ей. Если бы у нас был такой внук... Если бы хотя бы раз в месяц, ну ладно, в квартал бы к нам он приходил, как внук, мы бы готовились, ждали... Он конфеты любит. Она отдала ему целую коробку конфет. Марину, соцработницу картошку попросила купить – хорошую, большую. Вот смотри – там стоит. Он картошку любит. А он не позвонил. А она ждёт...

КАТЯ. Я схожу, вот сейчас...

ЙОСЯ. А у него своя жизнь. Мы-то ему зачем? Старики... Болячки наши и проблемы...

КАТЯ. Ну что вы!

ЙОСЯ. А если он не придёт? Ну сходишь ты к нему, ну, если он не придёт... если откажется, понимаешь? Ты придёшь и скажешь, что он не придёт. И что дальше? Понимаешь!?

КАТЯ. Ну, подождите, Он ещё ничего не сказал, я ещё никуда не ходила...

ЙОСЯ. Это её убьёт, представляешь!?

КАТЯ. Йосиф Абрамович, ну что вы, подождите и не думайте так плохо о людях.

ЙОСЯ. Катя, не знаю...

КАТЯ. Так, давайте я схожу. Я узнаю...

ЙОСЯ. Там у них служебный ход есть – справа.

КАТЯ. Я разберусь. Послушайте, пока не забыла, там, в холодильнике я котлеты вам принесла – только разогреть. Ещё суп ешьте. Лекарства, как обычно, в шкаф убрала и написала там – посмотрите. Хорошо? И там ещё к чаю вам купила, ну и цветы на завтра — там в шкафу. Смотрите за ними. Хорошо? Не провожайте. Я сама. Ну, куда вы?..

ЙОСЯ. Я тебя провожу.

КАТЯ. Ну, Йосиф Абрамович!

ЙОСЯ. Катя...

КАТЯ. Может, все будет хорошо. Может, он просто замотался...

ЙОСЯ. Не знаю... Слушай, подожди, вот что... стой.

КАТЯ. Что?

ЙОСЯ. Знаешь, я тут подумал... ты сейчас позвони нам на телефон, как выйдешь.

КАТЯ. Зачем? Я и так позвоню.

ЙОСЯ. Нет, ты позвонишь, а я сделаю вид, что это не ты...

КАТЯ. Как, не понимаю.

ЙОСЯ. Ну что ты.

КАТЯ. Не понимаю, правда.

ЙОСЯ. Я тебе скажу громко: привет Андрюша, поняла?

КАТЯ. Ну, нет... честно...

ЙОСЯ. Я скажу: привет Андрюша, как я рад, что ты позвонил! Поняла?

КАТЯ. Нет, причём тут я?

ЙОСЯ. Я скажу, что ты завтра придёшь: как хорошо! а у Людмилы Ивановны день рождения, она будет тебя ждать, готовится... Как хорошо, что ты позвонил! И буду так громко, громко говорить...

КАТЯ. Стойте, вы хотите её обмануть, разыграть?

ЙОСЯ. Я хочу дать ей надежду, чтобы она его ждала, готовилась, понимаешь!?

КАТЯ. А если он не придёт. Если он завтра не придёт?

ЙОСЯ. Ты позвонишь мне ещё раз, и я скажу: у вас Андрюша репетиция, как жаль, как плохо! Так вы придёте через неделю?

КАТЯ. Ну, а если она поймёт, что вы её обманываете?

ЙОСЯ. Надежда слепа, понимаешь. Даже если она будет понимать, всё равно, лучше верить, надеяться.

КАТЯ. Так мне когда позвонить? А если она будет спать?

ЙОСЯ. Я сейчас её разбужу.

КАТЯ. Артисты!

ЙОСЯ. Ты выйдешь – позвони.

КАТЯ. Я пошла.

ЙОСЯ. Хорошо. Стой.

Йосиф Абрамович достаёт коробку с деньгами и отдаёт Кате.

КАТЯ. Что?

ЙОСЯ. А коробку эту, коробку с деньгами, поняла, ты забери. Отдай их, деньги эти, тем, кому нужно, людям отдай.

КАТЯ. Да вы что!?

ЙОСЯ. Там семьдесят восемь тысяч шестьсот пятьдесят долларов.

КАТЯ. Сколько!?

ЙОСЯ. Катя, умрём... украдут их, слышишь! Людям отдай. Я тебе доверю. Ну, иди же.

Катя выходит. Йосиф Абрамович уходит в комнату к Люсе, и ни его, ни Люси не видно. Слышатся его голос и голос Люси.

ЙОСЯ. Люся, Люся, ты не спишь? Катя ушла (*громко*). Тебе разогреть? Она суп принесла. Он у неё вкусный. Может, свет включить, Люся?

ЛЮСЯ. Ты чего так громко, не кричи.

ЙОСЯ. Хорошо, хорошо, не спи. Так будешь есть?

ЛЮСЯ. Плохо мне...

ЙОСЯ. Сейчас пройдёт. Ты таблетки пила?

ЛЮСЯ. Что? Пила.

ЙОСЯ. Пойду, письмо допишу.

Йосиф Абрамович добирается до своего места и смотрит на телефон.

ЙОСЯ. Так есть ты не будешь? Суп вкусный.

ЛЮСЯ. Немножко...

ЙОСЯ. Сейчас разогрею...

Йосиф Абрамович пытается найти громкость на телефоне и сделать выше громкость.

ЙОСЯ. Как его погромче сделать? Так, вот. Техника...

Звонит громко телефон. Йосиф Абрамович, сам не ожидая такой громкости, пугается. Берёт трубку и говорит громко.

ЙОСЯ. Алло. Шнейдман у телефона. Слушаю вас. Что? Кто? Андрей! Андрюша! Что? Не смогли придти? Придёте? Алло! Андрей! Что вы сказали? Вы завтра придёте? Днём или вечером? Не знаете? Завтра у Людмилы Ивановны день рождения, как хорошо, что вы придёте! Да, Андрей, приходите. Что? Начало спектакля! Да, до свидания... Да... Приходите...

В дверях уже стоит Людмила Ивановна в халате и вопросительно смотрит на Йосифа Абрамовича.

ЛЮСЯ. Йося, кто это?

ЙОСЯ. Люся, это Андрей звонил.

ЛЮСЯ. Как! Андрюша!?

ЙОСЯ. Люся, он придёт, завтра придёт!

ЙОСЯ. А что он сказал, повтори.

ЛЮСЯ. Он сказал, что сейчас у него спектакль, а завтра он обязательно придёт, и он обрадовался, что у тебя день рождения.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ЛЮСЯ. Йося, а как же? У нас ничего не готово.

ЙОСЯ. Люся, у нас же всё есть. Катя только была. Ты как, Люся, как ты себя чувствуешь?

ЛЮСЯ. Да, так... Картошку надо чистить.

ЙОСЯ. Зачем, Люся?

ЛЮСЯ. Она же не чищена. Надо картошку почистить и котлеты сделать.

ЙОСЯ. Люся, Катя принесла котлеты.

ЛЮСЯ. Йося, ты не понимаешь. Она на скорую руку готовит, у неё они не вкусные. Фарш она не тот покупает. А в фарш надо добавить... Ой, Андрюша придёт голодный. Я его в этот раз заставлю поесть. Не отпущу так. Посмотри — он же худой.

ЙОСЯ. Ты будешь готовить?

ЛЮСЯ. Я всегда готовила. Ничего в этом нет сложного. Держи. Чисти.

Людмила Ивановна даёт Йосифу Абрамовичу кастрюлю и достаёт картофелины, моет их и даёт ему.

ЙОСЯ. Люся, у тебя же давление. У тебя же всё болит. У нас всё есть.

ЛЮСЯ. Подожди, а конфеты. У нас же нет конфет. Надо сходить купить конфет. А когда он придёт?

ЙОСЯ. Не сказал.

ЛЮСЯ. Йося, ты всегда такой. Надо было его спросить. А вдруг он рано придёт. Сейчас темно, как в магазин идти!

ЙОСЯ. Завтра Марину попросим.

ЛЮСЯ. Она купит не то.

ЙОСЯ. Ну как не то.

ЛЮСЯ. Ерунду она купит. Лишь бы что-то купить.

ЙОСЯ. Люся, но он переживёт без конфет.

ЛЮСЯ. Йося, он тут в Москве один. Пусть мальчик поест конфет. Надо их купить. Я сейчас пойду.

ЙОСЯ. Люся, там темно. Ты же не выходишь, когда темно, Люся.

ЛЮСЯ. А вдруг он придёт утром.

ЙОСЯ. Люся, он не придёт утром. Я тебе точно говорю. Давай картошку чистить буду. Давай мой.

ЛЮСЯ. А что он тебе ещё сказал?

ЙОСЯ. Сказал, что очень хочет прийти.

ЛЮСЯ. Так и сказал?

ЙОСЯ. Да, сказал, что ему у нас понравилось, что ты для него как бабушка.

ЛЮСЯ. Как бабушка!? Так и сказал?

ЙОСЯ. Да, да. Как бабушка.

ЛЮСЯ. А как у него в театре? Почему ты меня не позвал. Это я его нашла!

ЙОСЯ. Люся, ты же отдыхала.

ЛЮСЯ. Всё равно. Как у него в театре?

ЙОСЯ. Люся, он не сказал. Он сказал, что сейчас спектакль. Времени мало было. Потом спросишь.

ЛЮСЯ. Йося, ну какой-ты! Надо было его спросить. Может, он опять подумает, что ты на него обиделся, что он тебе не нравится, Йося!

ЙОСЯ. Он так не подумает.

ЛЮСЯ. Йося, надо быть с ним учтивым. Не говори, что сейчас ставят только ерунду. Похвали его. Театр похвали. Ну и пусть они там ерунду ставят, ты всё равно похвали. Человеку-то приятно.

ЙОСЯ. Похвалю.

ЛЮСЯ. Расскажи ему что-то интересное. Ты же Товстоногова, Монюкова, Ланского, Завадского, Эфроса знал.

ЙОСЯ. Знал.

ЛЮСЯ. Ну и скажи ему.

ЙОСЯ. Он подумает, что я хвастаюсь.

ЛЮСЯ. А ты скажи так, чтобы он так не подумал.

ЙОСЯ. Скажу. Люся, не суетись. А может, он и имён таких не знает!?

ЛЮСЯ. Знает! А не знает - узнает.

ЙОСЯ. Думаешь...

ЛЮСЯ. Надо прибраться. Всё не на своих местах.

ЙОСЯ. Люся, давай утром приберёмся.

ЛЮСЯ. Йося, ты всегда такой. Я сейчас немного приберусь. Ты номер телефона у Андрюши взял?

ЙОСЯ. Нет.

ЛЮСЯ. Йося!?

ЙОСЯ. Не успел.

ЛЮСЯ. Йося, ты всегда такой. А вдруг он не позвонит. Надо было взять у него номер.

ЙОСЯ. Люся, у него своя жизнь. Ты что ему будешь звонить и надоедать?

ЛЮСЯ. Он меня бабушкой назвал. Бабушкой!

ЙОСЯ. Бабушкой?

ЛЮСЯ. Бабушкой!

ЙОСЯ. Он ради приличия так тебя назвал.

ЛЮСЯ. Зануда.

ЙОСЯ. Что!?

ЛЮСЯ. Чисти картошку. Не успеем.

ЙОСЯ. К чему не успеем?

ЛЮСЯ. К его приходу. Надо картошку на завтра почистить. А жарить будем завтра. Котлеты надо — фарш провертеть. Так, мука есть, морковь есть, лук есть. Лук есть?

ЙОСЯ. Есть лук.

ЛЮСЯ. Так, хватит. А суп? Суп Катя принесла?

ЙОСЯ. Принесла.

ЛЮСЯ. Овощной?

ЙОСЯ. Да, кажется.

ЛЮСЯ. Нет, надо самой суп приготовить.

ЙОСЯ. Люся, ты что!?

ЛЮСЯ. Он придёт голодный. У него мама аж в Иркутске. Кто его покормит?

ЙОСЯ. Ну, у нас есть суп.

ЛЮСЯ. Катя не так готовит.

ЙОСЯ. Как не так?

ЛЮСЯ. Не так. Я лучше знаю. Надо плиту не на всю включать, а сначала вот так. А потом я лавровый лист добавляю. Тут каждая деталь важна. И спешить не надо, понимаешь?

ЙОСЯ. Люся, ну как мы сейчас суп готовить будем!?

ЛЮСЯ. Ты будешь резать и чистить, а я буду мешать. И приготовим.

ЙОСЯ. Чем тебе её суп не нравится.

Людмила Ивановна подходит к окну.

ЛЮСЯ. Вон его окошко светится.

ЙОСЯ. Люся, может, не будем, может, мы не справимся.

ЛЮСЯ. Йося, ну ты что!? Как не справимся? Справимся. Давай.

Йосиф Абрамович чистит картошку, Людмила Ивановна что-то делает у раковины и плиты. Людмила Ивановна начинает напевать песню.

ЛЮСЯ. Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома, снова между нами города, взлётные огни аэродромов, здесь у нас туманы и дожди, надежда наш компас земной, удача награда за смелость, а песни довольно одной...

ЙОСЯ. Ты что!?

ЛЮСЯ. Пою.

ЙОСЯ. Ты не так поёшь, не помнишь ты слова.

ЛЮСЯ. У тебя всё не так.

ЙОСЯ. Надо так: здесь у нас туманы и дожди, здесь у нас холодные рассветы. А ты пропустила.

ЛЮСЯ. Ну и что.

ЙОСЯ. Не так.

ЛЮСЯ. Ладно тебе.

ЙОСЯ. Не ладно. Точным надо...

ЛЮСЯ. А помнишь, Ленинград, конец семьдесят девятого года, мы были там у Щегловых.

ЙОСЯ. Да.

ЛЮСЯ. И Анна Герман выступала в Октябрьском. И Щегловы достали билеты. И мы всей группой пошли. А я думаю, когда она споёт нашу песню, нашу песню геологов, нашу «Надежду»? А она её все не пела. Я тебе говорю, Йося, напиши записку, что в зале геологи, которые любят нашу Аню и эту песню и попроси её исполнить.

ЙОСЯ. Ну...

ЛЮСЯ. А ты всё стеснялся, пока Щеглов сам под мою диктовку не написал записку.

ЙОСЯ. Ну...

ЛЮСЯ. Вот ну и ну... только учишь.

ЙОСЯ. Ну...

ЛЮСЯ. Если бы я не настояла, мы бы с ней не познакомились.

ЙОСЯ. Слова надо знать.

ЛЮСЯ. Вот это ты заладил. А помнишь, как она нам обрадовалась. Она такая уставшая была, а всё равно... как она нас спрашивала о поездках, о Ташкенте, о Севере!

ЙОСЯ. Она приглашала нас к себе в Варшаву.

ЛЮСЯ. Давай, Йося.

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Запевай.

ЙОСЯ. У меня нет голоса.

ЛЮСЯ. У тебя и слуха нет.

ЙОСЯ. Так что ты от меня хочешь?

ЛЮСЯ. Чтобы ты слова говорил, раз их знаешь.

ЙОСЯ. Ну, давай: светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома, снова между нами города, взлётные огни аэродромов...

ЛЮСЯ. Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома, снова между нами города, взлётные огни аэродромов...

ЙОСЯ. Здесь у нас туманы и дожди, здесь у нас холодные рассветы...

ЛЮСЯ. Здесь у нас туманы и дожди, здесь у нас холодные рассветы...

ЙОСЯ. Здесь на неизведанном пути ждут замысловатые сюжеты...

ЛЮСЯ. Здесь на неизведанном пути ждут замысловатые сюжеты...

Дальше Йосиф Абрамович и Людмила Ивановна поют куплет вместе.

Надежда - мой компас земной,
Удача, награда за смелость,
А песни довольно одной,
Чтоб только о доме в ней пелось.

Затемнение.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

День. Кухня. Йосиф Абрамович слушает радио и что-то делает за компьютером. На столе стоит большой букет цветов. Появляется Людмила Ивановна в красивом платье.

ЛЮСЯ. Йося, ты посмотри. Пойдёт?

ЙОСЯ. Пойдёт.

ЛЮСЯ. Йося! Ты не посмотрел!

ЙОСЯ. Ты думаешь, он на тебя смотреть будет.

ЛЮСЯ. Йося! Какой ты...

ЙОСЯ. Ну, красивая ты, красивая... И краситься будешь?

ЛЮСЯ. Может, и буду.

Людмила Ивановна подходит к окну.

ЛЮСЯ. Дневной спектакль кончился. Люди из театра идут. Он когда придёт?

ЙОСЯ. Люся, он же не сказал. Я же тебе говорил.

ЛЮСЯ. А смотри, уже как на улице хорошо стало! Деревья уже скоро распустятся. И солнышко. Так хочется вдохнуть этого воздуха прямо сейчас!

Людмила Ивановна хочет открыть окно.

ЙОСЯ. Люся, не открывай, простудимся.

ЛЮСЯ. Так тебе это платье нравится? Ну, посмотри.

ЙОСЯ. Нравится.

ЛЮСЯ. А погода сегодня... Лучше, чем была.

ЙОСЯ. Несколько дней была такая же.

ЛЮСЯ. Нет, сегодня лучше.

ЙОСЯ. Ниего особенного.

ЛЮСЯ. А Марина сказала, что на ВДНХ всё так красиво стало! Йося, давай туда съездим погулять. А, Йося!?

ЙОСЯ. Люся, куда гулять!?! Ты что!?!

ЛЮСЯ. Ну, Йося!

ЙОСЯ. Будет потеплее...

ЛЮСЯ. Скучный ты. Надо супницу достать. Иди, помоги.

ЙОСЯ. Люся, зачем супницу.

ЛЮСЯ. Как зачем!?!

ЙОСЯ. Из кастрюли нальёшь.

ЛЮСЯ. Йося, Человек придёт в гости, а ты - из кастрюли.

ЙОСЯ. Поднимайся. Помоги.

Йосиф Абрамович встаёт и на костылях подходит к шкафу.

ЛЮСЯ. Вон там смотри. Я тебя поддержу, а ты потянись и достань.

ЙОСЯ. Я упаду.

ЛЮСЯ. Я поддержу.

Йосиф Абрамович достаёт из шкафа супницу.

ЙОСЯ. Держи.

ЛЮСЯ. Ну вот. Надо помыть.

ЙОСЯ. Вечно ты придумашь.

ЛЮСЯ. А чего вечно. Сейчас всё сделаем. А конфеты? Ты видел?

ЙОСЯ. Видел.

ЛЮСЯ. Я же тебе не сказала...

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Вот ты всегда такой. Внутри же ты добрый. А вот Андрюша придёт, и ты опять свои нравоучения, про политику. Радио ты часто слушаешь.

ЙОСЯ. Не слушаю я его. Для фона.

ЛЮСЯ. Ты лучше при Андрюше молчи.

ЙОСЯ. Так уж и молчать?

ЛЮСЯ. Молчи. Делай умный вид и молчи.

ЙОСЯ. А вид у меня глупый?

ЛЮСЯ. Не спорь. Я когда в магазин пошла, а детишки идут на спектакль с мамашами. Такие все светленькие, красивенькие. Я у театра встала.

ЙОСЯ. Люся, а если бы плохо тебе стало. Ну, куда ты пошла. Да ещё и стояла там.

ЛЮСЯ. Я воздухом дышала. На театр смотрела. Я бы тоже пошла.

ЙОСЯ. На детский спектакль!?

ЛЮСЯ. Может, и на детский.

ЙОСЯ. Тебя бы там засмеяли.

ЛЮСЯ. Нет, я бы рядом с какой-нибудь девочкой села, и не засмеяли бы. Надо нам в театр сходить.

ЙОСЯ. Ну-ну... Люся, там душно. Помнишь, как тебе плохо было?

ЛЮСЯ. Это было давно.

ЙОСЯ. Ну-ну...

ЛЮСЯ. Так слушай. В магазине я у полки стою. А конфет там столько, а какие выбрать не знаю. Я один пакет кручу, другой пакет. Одну коробку, другую коробку. Ничего не вижу. Хорошо, что женщина мимо проходила. Я ей говорю: внуку хочу купить, а не разбираюсь и ничего не вижу. А она спрашивает: внук-то школьник или маленький? Я говорю: постарше. Вот видишь, говорит, что сама брала – вкусные. Четыреста сорок семь рублей. Дорогие!

ЙОСЯ. Люся, а может, он их не будет есть.

ЛЮСЯ. Ему понравятся.

ЙОСЯ. Ты таблетки пила?

ЛЮСЯ. Пила. Какой-то скучный.

ЙОСЯ. Всегда был таким.

ЛЮСЯ. А котлеты мои Андрюше тоже понравятся.

ЙОСЯ. Понравятся.

ЛЮСЯ. И картошка. Вкусная получилась.

ЙОСЯ. Полночи провозились. И откуда у тебя энергии столько.

ЛЮСЯ. Не ворчи. Ты и так всю ночь ворчал.

ЙОСЯ. Люся, ну зачем так стараться.

ЛЮСЯ. А как тебе нравится, как я придумала. Видишь?

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Что-что! Вот!

ЙОСЯ. Что!?

ЛЮСЯ. Ну, видишь? Вот, заколка.

ЙОСЯ. Придумала.

ЛЮСЯ. Какой же ты, Йося!

ЙОСЯ. Красивая.

ЛЮСЯ. И тебе придется надо. Ты свитер долго носишь. Пахнет.

ЙОСЯ. Не пахнет.

ЛЮСЯ. Ну, придёт человек, а ты все в этом старом ходишь. Сейчас, подожди.

ЙОСЯ. Ты куда?

ЛЮСЯ. Подожди, сейчас.

Людмила Ивановна уходит и появляется тут же с пиджаком и галстуком.

ЙОСЯ. А галстук. Ну не хочу, Люся!

ЛЮСЯ. Так красиво будет.

ЙОСЯ. Ну не надо!

ЛЮСЯ. Какой ты упрямый! Снимай этот свитер. Вот, надевай. Натягивай.

ЙОСЯ. Давай без галстука.

ЛЮСЯ. Красивый галстук. Давай вот.

Йосиф Абрамович снимает свитер, завязывает при помощи Людмилы Ивановны галстук.

ЛЮСЯ. Ты же раньше любил их носить.

ЙОСЯ. Когда это было?

ЛЮСЯ. В Ухте. Может, я тебя за галстуки и полюбила.

ЙОСЯ. За галстуки?

ЛЮСЯ. Такой чистенький, с галстуком, в пиджачке! Мило было смотреть.

ЙОСЯ. Ну-ну...

ЛЮСЯ. А чего... Я тебе не буду сильно затягивать. Вот чтобы был просто...

ЙОСЯ. Удавка.

ЛЮСЯ. Йося, ну посмотри. С галстуком другой вид. И давай пиджак. Вот, надевай. А сейчас я тебя ещё причешу. Придёт Андрюша – чтобы всё было красиво. Ну, вот, посмотри в зеркало.

Людмила Ивановна даёт Йосифу Абрамовичу зеркало. Тот смотрит и хмурится. Людмила Ивановна на него не смотрит и нюхает цветы.

ЛЮСЯ. Йося, такой красивый букет! А это что за цветок? Ты же знаешь. Знаешь?

ЙОСЯ. Вот этот, жёлтый? Не знаю.

ЛЮСЯ. Так приятно, Йося.

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Что ты подарил мне букет.

ЙОСЯ. Это ромашки.

ЛЮСЯ. Нет, Йося. Нет, это по-другому называется.

ЙОСЯ. Ну не знаю.

ЛЮСЯ. Помнишь, когда Танечка пошла в первый класс, к нам приехал Серёжка Шипунов.

ЙОСЯ. Ну...

ЛЮСЯ. Из Крыма, на самолёте, и привёз большущий букет вот таких цветов. Мы тогда Тане дали его, и она была в этом школьном платье, с этим огромным букетом такая яркая, счастливая! Мы шли в школу все вместе - ты, я, Таня, Оля, Серёжка, его жена Лидка. А Таня всё боялась уронить то портфель, то букет. Ты помнишь тот день?

ЙОСЯ. Помню.

ЛЮСЯ. А когда мы дошли до школы, Таня вдруг говорит мне шёпотом: мама, а можно я один цветочек оставлю. А я её так же шёпотом спрашиваю: Танечка, а почему шёпотом? А она говорит: чтобы папа не ругался.

ЙОСЯ. Да не ругался я никогда.

ЛЮСЯ. Ругался.

ЙОСЯ. Да ну...

ЛЮСЯ. А я её спрашиваю: а зачем тебе цветочек, Таня? А она говорит: на память.

ЙОСЯ. И что, взяли?

ЛЮСЯ. Да, один цветочек. Она отдала мне и сказала, чтобы я его спрятала.

ЙОСЯ. И ты спрятала.

ЛЮСЯ. Спрятала.

ЙОСЯ. И мне не сказала.

ЛЮСЯ. Никому не сказала.

ЙОСЯ. Вот так.

ЛЮСЯ. Я ей потом отдала. И она его спрятала. А потом засушила. А потом, после уроков, мы ждали их во дворе. Ольга шла рядом со мной.

ЙОСЯ. А Танечку я нёс на плечах. Мы пошли в кафе и ели мороженое. Люся... Я иногда думаю.... Ты куда?

Людмила Ивановна выходит и потом появляется с коробкой.

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Йося, знаешь, вот смотри. Полистай. Видишь? Дальше.

ЙОСЯ. Что это.

ЛЮСЯ. Это её тетрадь. Только ты не читай.

ЙОСЯ. Почему?

ЛЮСЯ. Это же её секретная тетрадь. Вот.

ЙОСЯ. Что это?

ЛЮСЯ. Цветок, который Таня засушила. Видишь?

ЙОСЯ. В тот день!?

ЛЮСЯ. В тот. Первое сентября.

ЙОСЯ. Гербера. Здесь написано: гербера.

ЛЮСЯ. Эти цветы называются герберами, не ромашки.

ЙОСЯ. И Серёжки уже нет, и Лидки нет... никого уже нет... и Танечки...

ЛЮСЯ. Йося, я не хотела.

ЙОСЯ. А я вот уже давно думаю, зачем я так долго живу?

ЛЮСЯ. Йося!?

ЙОСЯ. Правда, Люся. Отца посадили и сгноили в лагере. Мать умерла от тифа. Сколько людей поумирало, а я живу. А зачем, Люся?.. Какая цель?..

ЛЮСЯ. Йося, ты столько много сделал хорошего, ты столько людям помог...

ЙОСЯ. А вот я умру...

ЛЮСЯ. Не говори так.

ЙОСЯ. Подожди, придёт своё время.

ЛЮСЯ. Всё равно.

ЙОСЯ. Вот перестану я жить. Ведь забудут меня, и дела мои забудут... да и нужно ли об этом печалиться? Не об этом я... Ведь, может быть, всё впустую было – все труды, усилия, заботы...

ЛЮСЯ. Как впустую!?

ЙОСЯ. А сейчас – всё что мы делали, всё, чем жили, ради чего жили и трудились – вот это всё нужно кому-то?

ЛЮСЯ. Я тебя не понимаю, Йося.

ЙОСЯ. Вот тем, кто сейчас живёт здесь, в этой стране, нужны ли наши труды, а я уж не говорю о памяти... о том, чтобы нас помнить...

ЛЮСЯ. Да что ты говоришь, Йося!?

ЙОСЯ. Мы строили города, бурили скважины, строили дороги... не спали ночами, мерзли зимой и изнывали от жары, сырости, комаров, мошки летом. Мы клали свои жизни ради наших идеалов, ради нашей страны, нашего народа, нашего будущего. А сейчас... Всё поменялось с ног на голову. Нужны ли им наши труды? Нет. Да и страна... Сколько уехало, сколько умерло! Что осталось? Пустыня!

ЛЮСЯ. Йося, а твои ученики! А институт!? Ну что ты, Йося!?

ЙОСЯ. Люся, какой институт. Торговая лавочка, прикрывающаяся громким названием и былыми заслугами. Уйду я, уйдёт наше поколение – а кому отдать мой опыт, итоги моей жизни? Ведь некому. Вот это страшно! Ну ладно... Зря я это всё...

ЛЮСЯ. Йося, всё не так. Ты что!? Они не знают. Они потом поймут. Не сейчас - потом.

ЙОСЯ. Да что потом!? Потом уже ничего не останется, может, и страны уже не останется.

ЛЮСЯ. Останется, Йося! Останется! Будет! Ну что ты завёлся.

ЙОСЯ. Вот, даже у меня из головы не выходит...

ЛЮСЯ. Что?

ЙОСЯ. Вот твой Андрюша.

ЛЮСЯ. А что Андрюша?

ЙОСЯ. Вот ему не нравится, как улица называется.

ЛЮСЯ. С чего ты взял, это он просто так.

ЙОСЯ. Да не просто так. Они там думают... и не только он. Раньше она была Метростроевская. Такое гордое название. Потом назвали её улицей Проходчиков. Когда мы сюда переехали, то я подумал, что это же здорово - жить на такой улице – улице Проходчиков! Понимаешь? Эта улица в честь людей, которые строили своими трудовыми руками наше московское метро. Ни техники, ничего не было – своими руками! Жить здесь – гордость. Я сам – геолог, можно сказать, проходчик! А они... Они стесняются. Назови им улицу Фиолетовой, Цветочной - вот им что надо. А трудовое название – улица Проходчиков – им не подходит! Театру, видите ли, не место на такой улице!

ЛЮСЯ. Он так не говорил.

ЙОСЯ. Да! Да что там... Наше поколение строило города. В землянках жили, в палатках, в бараках. А они – им стыдно.

ЛЮСЯ. Не стыдно!

ЙОСЯ. Стыдно! Ведь тогда и мечтать не могли, что здесь, вот на этом месте, где стояли бараки, появится театр – с колоннами, с огромным фойе, с большим залом - дворец! А теперь...

ЛЮСЯ. Ну что ты завёлся, Йося!

ЙОСЯ. Понимаешь, ведь и мечтать не могли, что будет театр... Да ну...

ЛЮСЯ. Ну что ты завёлся. Настроение мне испортил.

ЙОСЯ. Люся, ну я не хотел. Просто думаю...

ЛЮСЯ. Йося, ну что ты, как маленький. Ты же академик. У тебя же столько всяких регалий. Тебя же все ценят.

ЙОСЯ. Да пустое это всё. Главное-то другое – кому передать? Кому!?

ЛЮСЯ. Йося...

ЙОСЯ. Галстук давит.

ЛЮСЯ. Йося, не снимай. Вдруг Андрюша сейчас придёт.

ЙОСЯ. Хорошо.

ЛЮСЯ. Ты тут за плитой последи. Позовёшь.

ЙОСЯ. А ты что хочешь?

ЛЮСЯ. Хочу тарелочки красивые принести.

Людмила Ивановна уходит. Йосиф Абрамович рассматривает альбом Тани.

Затемнение.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Кухня. Вечер. Как и прежде, за столом сидит Йосиф Абрамович, на столе стоят стопка тарелок, супница, конфеты в конфетнице, на плите - сковородка и кастрюля.

Йосиф Абрамович смотрит в одну точку в задумчивости. Людмила Ивановна стоит у окна.

ЙОСЯ. Люся...

ЛЮСЯ. Все выходят из театра... наверное, спектакль закончился... вечерний...

ЙОСЯ. Люся...

ЛЮСЯ. А Андрюша так и не пришёл. Я уже столько раз подогривала.

ЙОСЯ. Люся, ведь ещё не так поздно. Он ещё придет.

ЛЮСЯ. Какой сегодня был спектакль, Йося?

ЙОСЯ. Ты уже спрашивала. Премьера у них, по Чехову.

ЛЮСЯ. Да...

ЙОСЯ. Он придёт, Люся...

ЛЮСЯ. Люди ходят в театр, а что там есть в этом театре такого, что там надо видеть?

ЙОСЯ. Ты про что?

ЛЮСЯ. Вот они идут, обсуждают увиденное... Но ведь спектакль – это выдумка.

ЙОСЯ. Выдумка, ну и...

ЛЮСЯ. А настоящей жизни в театре нет.

ЙОСЯ. Почему?

ЛЮСЯ. Нет. Они играют заученные тексты и смеются тогда, когда нужно, и плачут тогда, когда им скажет режиссёр.

ЙОСЯ. Ну, так всегда делали.

ЛЮСЯ. А театр ведь должен быть не просто заученными словами и выдуманным текстом.

ЙОСЯ. Чем же, Люся?

ЛЮСЯ. Театр – это мечта. Это когда я мечтаю, и о том же мечтают артисты, режиссёр.

ЙОСЯ. О чём же они мечтают?

ЛЮСЯ. О своём... о жизни... о счастье...

ЙОСЯ. А жизнь?

ЛЮСЯ. И жизнь. Жизнь – это выдумка, а театр – реальность. Или наоборот... Ты вот днём говорил, а я подумала...

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Что ведь почему мы так давно не ходили в театр... Нет, не из-за того, что мне может там стать плохо или тебе будет тяжело там сидеть...

ЙОСЯ. Почему же?

ЛЮСЯ. Просто, Йося, для нас театр – это чудо. Мы приходили в театр, чтобы радоваться и восхищаться, чтобы видеть что-то близкое и волнующее... А волновать, радовать, восхищать может что-то родное и близкое – то, что ты понимаешь и любишь. Я вот иногда думаю: ведь ставить спектакли или фильмы о любви могут... или писать о любви

могут только те, кто любит... по-настоящему любит, понимает, что такое любовь... Ведь так!? Скажи, ведь Чехов же любил? Он любил? Ты же знаешь.

ЙОСЯ. Он любил. Конечно.

ЛЮСЯ. А как могут они ставить Чехова, когда они его не понимают.

ЙОСЯ. Почему ты так думаешь, Люся?

ЛЮСЯ. Йося, а надо понимать, понимаешь... Понимать! Есть буквы, есть страницы, есть слова. А между слов, а помимо слов!? Ты понимаешь? А разве можно поставить спектакль или сыграть в нём, если ты не понимаешь простых чувств, если они в тебе отсутствуют! Понимаешь, Йося... ведь на самом деле мне страшно идти туда – в театр... А вдруг там всё не так... вдруг там нет любви, вдруг они не понимают того, что играют. Я и боюсь – пойти и разочароваться. А я хочу ведь видеть чудо – так, чтобы я поверила, так, чтобы я помечтала, так чтобы я порадовалась увиденному.

ЙОСЯ. Как ты загнула, Люся.

ЛЮСЯ. Йося, а зачем этот театр?

ЙОСЯ. Как зачем!?

ЛЮСЯ. Театр же всегда в нас. Наши любимые спектакли, наши любимые рассказы. Ты же мой самый лучший артист, ты же так хорошо читаешь Чехова! Помнишь, твой любимый его рассказ?.. Ты же помнил его наизусть. Я всегда так переживала, когда ты его читал.

Йосиф Абрамович молчит, а потом, как-бы отстраненно, начинает по памяти читать рассказ Чехова.

ЙОСЯ. Как-то перед отъездом, дня за два, в сумерки сижу я в садике, а от двора, в котором живёт Наденька, садик отделён высоким забором с гвоздями... Ещё достаточно холодно, деревья мертвы, но уже пахнет весной. Я подхожу к забору и долго смотрю в щель. Я вижу, как Наденька выходит на крылечко и устремляет печальный, тоскующий взор на небо... Весенний ветер дует ей прямо в бледное и унылое лицо... Он напоминает ей о том ветре, который ревел нам тогда на горе, когда она слышала те четыре слова, и лицо у неё становится грустным, и по щеке ползёт слеза... И бедная девочка протягивает обе руки, как бы прося ветер принести ей ещё раз те слова. И я, дождавшись ветра, говорю вполголоса: - Я люблю вас, Наденька! Боже мой, что с ней делается. Она вскрикивает, улыбается во всё лицо и протягивает навстречу ветру руки, радостная, счастливая и такая красивая. Это было уже давно. Теперь Наденька уже замужем; её выдали, или она сама вышла – это всё равно, и теперь у неё уже трое детей. То, как мы вместе когда-то ходили на каток, и как ветер доносил до неё слова «Я вас люблю, Наденька», не забыто; для неё это теперь самое трогательное и прекрасное воспоминание в жизни. А мне теперь, когда я стал старше, уже непонятно, зачем я говорил те слова и для чего шутил...

ЛЮСЯ. Йося, зачем?.. Я всегда так переживаю, когда ты это читаешь.

ЙОСЯ. Извини. Вроде помню. Ещё помню.

ЛЮСЯ. Чтобы понимать Чехова, ведь надо быть таким, как он. Надо быть сделанным из такого же теста. Разве не так?..

ЙОСЯ. А ты думаешь, Андрюша не понимает Чехова.

ЛЮСЯ. Андрюша понимает. Надо просто никого не слушать, а слушать самого Чехова.

ЙОСЯ. Люся, мы сходим в театр и посмотрим. Всего лишь надо спуститься и пройти несколько сот метров. Мы ведь сходим и посмотрим... И, может, они понимают Чехова так, как ты его понимаешь, как я его понимаю. Может, наш театр ждёт нас!?

Молчание. Людмила Ивановна смотрит в окно.

ЛЮСЯ. Никуда мы не сходим, и Андрюша не придёт...

ЙОСЯ. Он придёт. Он же не сказал времени. Он придёт.

ЛЮСЯ. Он не придёт, Йося.

ЙОСЯ. Люся, он обязательно придёт.

ЛЮСЯ. Не придёт. Я всё слышала, Йося. Как ты просил Катю, слышала...

ЙОСЯ. Ты слышала!?

ЛЮСЯ. Я всё слышала.

ЙОСЯ. А зачем же ты это всё сделала?

ЛЮСЯ. Да так... Сама захотела...

ЙОСЯ. Захотела?!

ЛЮСЯ. Да. Просто...

ЙОСЯ. Не понимаю.

ЛЮСЯ. Йося, ты помнишь то письмо?

ЙОСЯ. Какое, Люся? Какое письмо?

ЛЮСЯ. То письмо - вызов в Москву на работу в институт. Помнишь, как ты мечтал попасть в Москву, вернуться сюда, вернуться обратно в Москву. Как ты добивался вызова сюда, устройства на работу. Сколько ты писал и сколько ты ждал от них ответа. И вот, пришло это письмо – тебя вызвали...

ЙОСЯ. Да, помню. Оно потерялось это письмо. Ты его потеряла, и я поехал сюда. Никто не понимал, что я хочу, когда я сюда приехал. Я ходил из кабинета в кабинет и говорил им про вызов, про работу... А они смотрели на меня и не понимали, что я от них хочу. Помню, конечно.

ЛЮСЯ. Йося, а не было никакого письма.

ЙОСЯ. Как не было. Ты его потеряла! Я ещё тогда впервые кричал на тебя. Я не мог понять, как ты такое важное письмо могла потерять! Засунуть куда-то! Такое важное письмо! Так отнестись, понимая, что я его жду! Я этого тебе не мог простить! Я каждый раз думал об этом!

ЛЮСЯ. Не было письма.

ЙОСЯ. Я не понимаю. Как не было!?

ЛЮСЯ. Я тебе соврала, Йося. Я его придумала. Не было ничего. Тебя никто никуда не вызывал. Никто. Ты ждал. Я видела, как ты мучаешься там в Ухте. Я там уже привыкла, а ты хотел сюда, в Москву, на свою Покровку. А они ничего не присылали. Я просто взяла и придумала всё. Я тебе сказала, что был вызов, но я это письмо куда-то дела. Ты хотел дать телеграмму, но я тебя уверила – ты взял билет и поехал.

ЙОСЯ. Как не было!? Не понимаю!? Как соврала!? А я ходил там по кабинетам, все смотрели на меня, как на сумасшедшего и не могли понять, про что я им говорю. Я же, как болван, там ходил. Я думал, что с ними что-то случилось, а не со мной.

ЛЮСЯ. Не было письма. Не было... Прости...

ЙОСЯ. Как же ты так поступила!? Зачем? Это же неправильно. Ты обманула!

ЛЮСЯ. Всё же получилось. Третьяков формировал группу, и ты попался ему под руку...

ЙОСЯ. Попался... Люся... Как же так!

ЛЮСЯ. Я соврала тебе тогда... Я всё придумала...

ЙОСЯ. А зачем ты мне сейчас это сказала?

ЛЮСЯ. Не знаю...

Йосиф Абрамович поднимается на костылях и подходит к стоящей у окна Люсе.

ЙОСЯ. Почему ты столько лет молчала?

ЛЮСЯ. А зачем было говорить.

ЙОСЯ. Сейчас же сказала...

ЛЮСЯ. Ты же хотел мне сделать приятно... Ты тоже придумал... Сейчас. Чтобы я поверила. Вот и я придумала... Тогда придумала... А ты сейчас...

ЙОСЯ. Люся...

ЛЮСЯ. Что?

ЙОСЯ. Люся, прости меня. Прости меня, Люся.

ЛЮСЯ. Да это же уже прошло. Мы здесь, в Москве.

ЙОСЯ. Люся, прости. Я... Я думаю всё - я виноват.

ЛЮСЯ. Почему ты виноват? Ты не виноват. Прошло уже всё. Всё правильно.

ЙОСЯ. Неправильно, Люся. Всё неправильно. Надо было уезжать тогда, в девяностом. Нам же предлагали уехать. Нам надо было уезжать отсюда, из России, надо было уезжать.

ЛЮСЯ. Я не понимаю тебя.

ЙОСЯ. Там бы тебя поставили на ноги, Люся. И Иришку мы бы видели и внучек наших бы - Светочку, Машеньку.... Там было бы всё по-другому. Люся... Я всё испортил. Я хотел остаться... Я не прощу себе... Надо было уезжать. Мы бы были там счастливы. Ты бы была там здорова. Понимаешь, ты бы была там здорова. Я не прощу себя. Никогда не прощу.

ЛЮСЯ. А Танечка! Йося, а как же Танечка? Мы бы её оставили здесь, одну!

ЙОСЯ. Танечка!?

ЛЮСЯ. Как же мы можем уехать отсюда!? А Танечка здесь одна будет, одна-одинешенька и никто к ней не придёт!? Как же Танечка, Йося! Как бы мы её оставили здесь, Йося! Одну...

ЙОСЯ. Танечка...

ЛЮСЯ. Как же ты так мог подумать Как же мы уедем и оставим её здесь, одну?..

ЙОСЯ. Ты же хотела поехать к Ольге, в Америку?

ЛЮСЯ. Мы поедem. Я поправлюсь, и мы полетим туда... А потом вернёмся. Сюда, домой... Йося, домой... На нашу улицу, к нашему театру, к нашему лесу, к Танечке...

ЙОСЯ. Хорошо.

ЛЮСЯ. А вот теплее станет - и поедem к ней, к Танечке, вон туда, в конец улицы. *(Показывает рукой).* К Танечке, ведь да?..

ЙОСЯ. Мы съездим. И к Ольге поедem, как ты поправишься. И вернёмся. Сюда, домой. Да, Люся. Летом, поедem к Ольге. Обязательно поедem. А сначала к Танечке.

ЛЮСЯ. Сначала к Танечке, а потом к Ольге. И вернёмся, Йося. Домой. Ведь так!?

ЙОСЯ. Да, Люся... Конечно, вернёмся...

Йосиф Абрамович в задумчивости смотрит в окно.

ЛЮСЯ. О чём ты задумался?

ЙОСЯ. Какое море деревьев, там за театром, в этой темноте. И ведь каждое дерево-то особенное. Знаешь, Люся, я тут где-то читал, что во время войны всё здесь вырубili. Нужны были дрова людям. Вот, только липовая аллея и осталась за театром. Липы были молоденькими, их только посадили перед войной – на дрова они не годились. А всё вокруг срубili. А потом посадили этот лес. Уже после войны. И он вырос. Как ведь странно! Из прутика вырастает дуб, а из небольшого, с ноготок, семечка вырастает дерево. И оно мужает, крепнет, и уже не охватить его руками, не сломать. А всего-то из семечка! Я вот думаю, может, и мы тут остались и всё живём... может, прорастёт, как весной... может, придёт другое время, может, вырастет новый лес... Может, подхватят наше дело... Ничего не было, и вот - целое море.

ЛЮСЯ. Йося...

ЙОСЯ. Вот так...

Молчание.

ЛЮСЯ. Йося, помнишь...

ЙОСЯ. Что?

ЛЮСЯ. Я тут недавно вспоминала, помнишь?

ЙОСЯ. Нет.

ЛЮСЯ. Про Ленинград, про блокаду... и о том, что уже потом, после, я решила, что буду самой, самой счастливой на земле. Помнишь?

ЙОСЯ. Да.

ЛЮСЯ. А ещё тогда... там, под Горьким, той лунной снежной ночью, я решила, что у меня будет самый, самый, самый замечательный муж на свете, которого я буду любить больше всех на свете.

Молчание.

ЛЮСЯ. Что ты молчишь? Йося!? Йося!?

Молчание. Йосиф Абрамович и Людмила Ивановна стоят у окна. Йосиф Абрамович поворачивается к Людмиле Ивановне и смотрит на неё.

ЙОСЯ. Люся... Люся... Я люблю тебя, Люся...

Начинает звучать музыка – песня «Детство ушло вдаль» в исполнении Майи Кристалинской. Йосиф Абрамович и Людмила Ивановна стоят у окна и смотрят в него. Свет постепенно гаснет. В окне, как на проекторе, появляется видео с кадрами, на которых видна их жизнь: север, бараки, рождение детей, маленькие дети, школа, строительство домов и новых районов, свадьба дочери. Всё это проходит в окне, как на проекторе, под музыку.

Детство ушло вдаль...
Детства чуть-чуть жаль.
Помнишь сердец стук,
И смелость глаз,
И робость рук?

И всё сбылось, и не сбылось,
Венком сомнений и надежд
Переплелось,
И счастья нет, и счастье ждёт
У наших старых,
Наших маленьких ворот.
И счастья нет, и счастье ждёт
У наших старых,
Наших маленьких ворот.

Если б тебе знать,
Как нелегко ждать,
Ты б не терял дня,
Догнал меня,
Вернул меня.

И всё сбылось, и не сбылось,
Венком сомнений и надежд
Переплелось,
И счастья нет, и счастье ждёт
У наших старых,
Наших маленьких ворот.

Слышишь шагов звук,
Двери входной стук?
Голос встречай мой,
Спешу к тебе -
Спешу домой!

И всё сбылось, и не сбылось,
Венком сомнений и надежд
Переплелось,
И счастья нет, и счастье ждёт
У наших старых,
Наших маленьких ворот.

И счастья нет, и счастье ждёт
У наших старых,
Наших маленьких ворот.

Когда начинает стихать музыка, раздаётся протяжный звонок в дверь. Йосиф Абрамович и Людмила Ивановна поворачиваются, и прожектор в сумраке на несколько секунд выхватывает их лица, на которых читаются радость, ожидание, удивление.

Затемнение.

Москва.
Январь – май 2019 г.

В пьесе использованы песни:

«Таёжный вальс» (Музыка Эдуарда Колмановского, стихи Льва Ошанина).
«Детство ушло в даль» (Музыка Аркадия Островского, стихи Льва Ошанина)

В пьесе использован отрывок из рассказа Антона Павловича Чехова «Шуточка».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я написал свою первую пьесу, то мне очень хотелось, чтобы её прочитали те, кто играет и работает в театре, и я послал ее знакомым артистам. Но они оставили эту пьесу без внимания, а одна актриса, к которой я хорошо относился, сначала пообещала прочитать мою пьесу, а потом написала какие-то слова, которые были мало связаны с содержанием пьесы. Но у этой первой пьесы было предисловие, в котором говорилось, о чём эта пьеса, а она была о борьбе за жизнь девушки, которой отмерен небольшой срок из-за тяжелого генетического заболевания, и называлась эта пьеса «Сумерки». И, в принципе, мои «Сумерки» были о том же, о чём и эта пьеса. Люди вообще говорят и пишут об одном и том же. После этого случая я старался больше не писать предисловий. Поэтому и сейчас пишу именно послесловие, в надежде, что читатель прочёл этот текст и читает это послесловие, уже зная и понимая содержание пьесы.

А эта пьеса очень простая – она просто о человеческом тепле, о любви... да, о самых простых вещах. Один шаг одного человека может дать надежду нескольким другим людям, а может эту надежду и отнять. Эта пьеса соткана из многих реальных и нереальных фактов. Фамилия супружеской четы Шнейдманов взята от моей учительницы Елены Зиновьевны Шнейдман, которая любила и ценила русскую литературу. Ее рано не стало. Потом, я читал негативные отзывы о ней в Интернете. Но для меня она осталась очень хорошим человеком. Имена Йося и Люся мне просто пришли в голову, так же, как Андруша и Катя. А сама история очень примитивна и происходит, возможно, в той или иной степени каждодневно.

Но если оглянуться, то можно рядом увидеть таких людей, которые близки по характеру моим Йосе и Люсе. И такие люди есть — люди, которые годами сохраняют верность и любовь друг к другу. И я хочу посвятить эту пьесу им и немного рассказать о тех людях, которые в чём-то стали примером для меня при написании этой пьесы. Когда-то давно я услышал песню на стихи Карины Филипповой «Спешите делать добрые дела». Песни Карины Филипповой пела и Майя Кристалинская, чьи песни используются в пьесе. Хочу здесь привести несколько строчек из стихотворения Карины Филипповой: «Спешите делать добрые дела, которые всегда идут не в счёт. Спешите делать добрые дела, когда к вам благодарность не придёт. Спешите делать добрые дела, которые рассудку вопреки...». И самое главное - «Спешите делать добрые дела, чтоб нехватило времени на зло». И конечно, я посвящаю эту пьесу замечательной паре - Борису Диодорову и Карине Филипповой, чей пример и в творческой жизни, и в семейной жизни очень важен. Не раз в театре я видел Людмилу Поргину и Николая Караченцова, которым также хочу посвятить эту пьесу, так как их пример, любовь, пронесенная через годы, была у меня перед глазами, когда я писал этот текст. В пьесу нельзя вместить очень много, у пьесы есть свой жанр и она должна быть короткой, но, несомненно, и мысли, и переживания повлияли на эту пьесу, так как пьеса была задумана и начата после ухода Николая Караченцова, чьи роли и песни я всегда любил. Я пересматривал десятки программ разных лет с участием Николая Караченцова и Людмилы Поргиной, и невольно всё это повлияло на то, что получилось. Один из героев пьесы говорит: как это просто любить одного человека всю жизнь и как это сложно любить одного человека всю жизнь — и в радости, и в горе... стараться не унывать и не показывать виду, бороться за своего близкого и любимого человека и не терять надежды. И, конечно же, я хочу посвятить эту пьесу замечательному артисту Нового театра Александру Курскому и его супруге Надежде Васильевой, чья работа и творческий труд также были у меня перед глазами, когда я писал эту пьесу. Александр Абрамович Курский - один из ведущих актеров Московского Нового театра и один из его основателей, и, занимаясь историей Нового театра, я не раз сталкивался со многими людьми, которые с теплотой вспоминали многие роли Курского в театре. Общение с Александром Абрамовичем значительно повлияло на меня, я узнал много интересного из истории Нового театра, о замечательном педагоге и режиссёре, создателе Нового театра

Викторе Карловиче Монюкове. Александр Курский и его супруга Надежда Васильева собрали воспоминания учеников и коллег Монюкова, и эта книга была мною с интересом прочитана и станет основой для создания в будущем пьесы о замечательном мхатовском педагоге и режиссёре Викторе Карловиче Монюкове.

И также я хочу посвятить эту пьесу своим родителям и всем, кто прожил вместе долгие годы и сохранил свою любовь.

А ещё хочу сказать о Майе Кристалинской. В этой пьесе я опять обратился к её творчеству. Я думал не писать в тексте пьесы конкретно, что должна прозвучать та или иная её песня: «Таёжный вальс» или «Детство ушло вдаль». Как-то мне показалось, что уж слишком будет странно, если я уже, наверное, в третьей пьесе использую творческое наследие Майи Кристалинской. Но, подумав, я решил, а зачем скрывать: Майя Кристалинская, её творческое наследие мне близки и помогают писать. Наверное, это хорошо, когда что-то сделанное, прожитое остаётся в памяти людей и живёт уже своей жизнью. Так и песни Майи Кристалинской продолжают жить и дарить человеческое тепло новым и новым поколениям. Поэтому эта пьеса связана и с именем Майи Кристалинской, с её песнями, и они обязательно должны звучать в пьесе.

Также эта пьеса посвящена Новому театру, который находится на улице Проходчиков в городе Москве, практически на краю леса, на окраине. Это очень душевный театр, с большой историей, с прекрасными артистами и замечательным художественным руководителем Вячеславом Васильевичем Долгачёвым. Я как-то задумался, а что вообще театр значит в жизни людей? А что если в один прекрасный день какой-то чиновник вдруг захочет закрыть театр или перестроить. Что изменится тогда? Отвечают мои герои. Для них театр, несмотря на то, что им уже тяжело туда попасть, стал чем-то родным и близким, их Родиной. Они хранят старые программки, знают, когда в театр идут зрители и когда заканчиваются спектакли, и мечтают о том, что все-таки, когда они будут чувствовать себя лучше, они пойдут в театр. Родина, родное – это то, что тебе важно и близко, это твой дом, твой город, твоя улица, твой театр, твой лес...

И Родина - это ещё и близкая тебе литература, и близкие тебе рассказы Чехова, его пьесы, без которых нельзя представить себе русского человека. Родина - это и та музыка, которую мы слушаем. В пьесе звучат песни на стихи замечательного поэта Льва Ошанина на музыку столь же замечательных композиторов Эдуарда Колмановского и Аркадия Островского.

В этой пьесе много говорится о районе, где расположен Новый театр, — это район вдоль Ярославского шоссе и Национального парка Лосиный Остров. Мне хочется выразить свою любовь и признательность моей учительнице, московскому краеведу, географу Людмиле Анатольевне Прянишниковой. Её рассказы, статьи, книги и общение с ней стало так или иначе составной частью этой пьесы, так как любовь и бережное отношение к своим родным местам — это и есть патриотизм и любовь к Родине.

А ещё эта пьеса посвящена советским геологам, благодаря которым мы имеем многое. Многие геологи, географы, полярники были репрессированы и погибли в тюрьмах и лагерях в 1930 — 1940-х годах. Фамилии некоторых из них специально упомянуты в пьесе, так как любые репрессии — это, прежде всего, судьбы конкретных людей, их близких и родных, и наш долг — сохранять память об этих честных и замечательных людях, которые невольно попали в жернова истории.

Эта пьеса заканчивается песней, и, возможно, что звонок в дверь, который звучит в конце пьесы, — это тот звонок, который так ждут мои герои...